

★ Владимир ПЕРШАНИН ★

ШТРАФНИКИ СТАЛИНГРАДА

«За Волгой для нас
земли нет!»

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Владимир Першанин

**Штрафники Сталинграда. «За
Волгой для нас земли нет!»**

«Яуза»

2012

Першанин В. Н.

Штрафники Сталинграда. «За Волгой для нас земли нет!» /
В. Н. Першанин — «Яуза», 2012 — (Война. Штрафбат. Они
сражались за Родину)

Их штрафная рота была сформирована одной из первых – сразу после приказа № 227 «Ни шагу назад!». Они искупили вину кровью, остановив продвижение 6-й армии Паулюса южнее Сталинграда, не позволив немцам прорваться к Волге и перерезать главную нефтяную артерию страны. Однако штрафникам не дадут долго «отсиживаться в обороне» – ведь судьба Сталинградской битвы решается не только в кровавом аду городских боев, но и в приволжских степях, на флангах 6-й армии, где наши войска непрерывно контратакуют, чтобы оттянуть на себя максимум сил противника, лишив Паулюса последних резервов. И первыми в эти самоубийственные атаки, на штурм неприступных позиций, под ураганный огонь в упор, поднимаются штрафники... Читайте новый роман от автора бестселлеров «Командир штрафной роты», «Штрафник, танкист, смертник» и «Спецназ Сталинграда», достойный войти в «золотой фонд» военной прозы!

© Першанин В. Н., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Першанин

Штрафники Сталинграда. «За Волгой для нас земли нет!»

Глава 1

Атака

Пулеметная очередь смахнула верхушку суслиного бугорка, а ветер развеял облачко глинистой пыли. Бывший сержант, а теперь рядовой боец 2-й отдельной штрафной роты, Борис Ходырев заслони́л голову винтовкой. Отброшенные рикошетом пули уходили вверх и в стороны – до него пока не добрались.

Стоял конец сентября, но здесь, в степи, южнее Сталинграда, солнце светило по-летнему жарко. Холм, который наполовину оседлала рота, представлял собой голую плешину с низкорослой сухой травой. Единственными укрытиями служили редкие промоины и суслиные бугорки. Промоина осталась в стороне, в нее можно было втиснуться всем телом, а здесь Борис лежал на открытом месте. Его приятель Иван Межуев распластался рядом, мокрая от пота спина тяжело вздымалась.

Впереди немецкие пулеметчики добивали прорвавшихся бойцов. Пули простегивали людей насквозь, кто-то убегал, потеряв голову от страха, другие лежали затаившись, но возможности выбраться ни у тех, ни у других не было. Бегущих срезали одного за другим. Смертельно раненные люди падали под уклон и роняли винтовки.

Бывший комбат и бывший капитан Степан Матвеевич Елхов, долговязый, костлявый, убегал грамотно, бросаясь то в одну, то в другую сторону, длинные руки с широкими ладонями, словно веслами, загребали воздух. Он угадал приближавшуюся пулеметную очередь, мгновенно бросился лицом вниз. Инерция и уклон швырнули тело, перед носом Ходырева взлетел пыльный сапог с блестящей подковой. Падение получилось неуклюжее, так валяются убитые, пулемет переключился на другую цель. Трое красноармейцев спасались тесной кучкой, очередь догнала двоих, третий в отчаянии поднял руки, но продолжал бег в обратную сторону от врага.

Сергей Маневич, бывший лейтенант, собрал вокруг себя кучку отчаянных бойцов. Они приблизились вплотную к немецким позициям и готовились к последнему прыжку. Не получилось. Бойцы погибли, сраженные очередями в упор, и легли на сухую полынь. Сергей получил ранение в бок, другая пуля расщепила ложе винтовки. Маневич сумел втиснуться в узкую щель, промытую талой водой. Расплачиваясь за испуг, немцы долго стреляли по нему, обрушили края промоины, затем швырнули несколько гранат, которые оставили обожженные проплешины и оглушили смелого лейтенанта. Он затих в своем укрытии, а немцы переключились на другие цели, добивая остатки штрафников.

Командир роты капитан Митрохин, рябой, широколицый, обычно спокойный, сейчас суетился и кричал снизу:

– Куда? Вперед!

Он призывал продолжать атаку, стрелял из автомата поверх голов, но срывающийся голос не мог остановить бегство. Смерть в виде непрерывных пулеметных очередей носилась над склоном, люди ускоряли бег, теряли равновесие, кувыркались. Сгоряча поднимались снова и гибли от прицельных очередей. Когда упали все бегущие, настал черед тех, кто залег. Двое бойцов, лежавших в нескольких шагах от Ходырева, вскочили. Пули догнали обоих. Один упал и больше не шевелился, второй полз, отталкиваясь локтями. Борис поднял голову и перехва-

тил напряженный, полный ужаса взгляд солдата. Из гимнастерки брызнуло красное, человек сунулся лицом в землю, еще несколько пуль ударили в тело, слегка пошевелив его.

Полностью погибла группа кавказцев, пять или шесть человек, осужденные за дезертирство. Держались они тихо, обособленно, выделяясь лишь упорным непониманием русского языка. Они бежали в атаку, все больше отставая. Война казалась им чуждой, родные горы были далеко, они не видели смысла в этом смертельном противостоянии.

Их с трудом поднял один из сержантов, кавказцы заметались, попали под огонь. Двое подняли руки, но в горячке боя все были срезаны пулеметным огнем. Они остались лежать тесной кучкой, темноволосые, смуглые. Брошенное оружие валялось в стороне. Рядом, как и при жизни, находился мертвый русский сержант, который пытался сделать из них бойцов, но не сумел.

Пулеметчики наверху постреляли еще немного, затем поднялся молодой офицер и оглядел склон. Немец не очень рисковал, наступавшие были смяты и в основном уничтожены. Ходырев имел отличное зрение, сетчатка запечатлела крепко сложенного юношу лет девятнадцати, одетого в легкий серо-голубой китель. Затем вражеский офицер снова опустился в окоп, и над холмом повисла тишина.

Спустя какое-то время к Борису перекатился бывший комбат Елхов. Бегство от смерти далось ему нелегко, длинное лицо подергивалось от нервного тика, гимнастерка под мышкой лопнула, а синие командирские бриджи порвались на коленях. Однако он не забыл о своем оружии, подтянул винтовку за ремень и пристроился рядом с Ходыревым. Теперь их стало трое. Иван Межуев по-прежнему тяжело дышал, прижимаясь щекой к земле, он боялся шевелиться и со страхом ожидал, вот-вот прозвучит бессмысленная команда «вперед», и теперь-то его точно убьют. Этого ждали и остальные бойцы, надеясь лишь на крестьянское благоразумие командира роты.

Другой бы так и сделал, поднял бы всех, допек криками и очередями поверх голов. Штрафников благополучно добились бы, а ротный в сопровождении политрука и старшины мог со спокойной совестью докладывать – рота погибла, искупая вину, присылайте новое пополнение. И ему не станут тыкать в лицо неудачной атакой, он выполнил свой долг. Однако Александр Кузьмич Митрохин, вечный капитан и вечный командир роты, пожалел людей. Правда, наполовину. Не бросил в атаку до полного уничтожения, но и не дал команду на отход, рассудив, что все решится само собой.

На плоской вершине высоты торчала двухметровая каменная баба. Возможно, надгробие похороненного много веков назад знатного воина. Отсюда открывался захватывающий вид. Ергенинская гряда тянулась на много километров. На верхушках топорщился редкий кустарник, а в низинах, куда по весне стекала талая вода, располагались большие и малые рощицы. Кучно росли серебристые тополя. Когда ветер шевелил их листья, они вспыхивали на солнце, словно голубые зеркальца.

Мелкие степные речки к сентябрю полностью пересыхали. Отполированные русла, проложенные водой в красной глине, петляли среди серой полыни. К востоку от подножия гор начиналась огромная равнина, тянувшаяся до самого горизонта. Древняя земля, которую когда-то заселили калмыки.

Уцелевшим бойцам штрафной роты было наплевать на захватывающий вид. Они мечтали дожить до темноты, а дни в сентябре еще долгие. Хотелось пить, пекло солнце, и один за другим умирали раненные. Некоторые просили о помощи, другие молчали. Немецкие пулеметы больше не стреляли. Легко раненные понемногу осмелели, начали движение вниз. Иван Межуев имел двоих детей и, несмотря ни на что, хотел выжить. Осторожно тронул Елхова за локоть и предложил:

- Может, и мы поползем, товарищ капитан? Пока фрицы добрые.
- Не спеши, я этих сволочей знаю.

Бывший комбат, воевавший с осени сорок первого года, оказался прав. Когда на склонах зашевелились, стали отползать раненые, а с ними и остальные бойцы, их обстреляли сразу три пулемета. Скорострельные «МГ-42» работали, как молотилки, рассеивая плотные очереди. Трое-четверо немцев, высунувшись из окопов, вели беглый огонь из автоматов.

Капитан Митрохин отреагировал должным образом. В ответ застучали оба «максима», предназначенные для поддержки атаки. Где они находились раньше – неизвестно, но сейчас щедро выпускали длинные очереди. Вместе с ними начали стрельбу несколько человек, открывшихся от атаки – подносчики боеприпасов, снабженцы, политрук Воронков с помощником.

Политрук, крупный, спортивного вида парняга из бывших комсомольских работников, вел огонь из винтовки. Он умел проявить активность в любой ситуации. Успевал целиться, хотя попасть в кого-то из винтовки на расстоянии семьсот метров было невозможно. Помощник, числившийся в штатном расписании как агитатор, подавал Воронкову обоймы и старался не поднимать голову. Таким образом, создавалась полная иллюзия боя, передний край гремел, заволокался дымом, а Митрохину позвонили из штаба дивизии:

- Что, взяли высоту?
- Деремся, товарищ майор.
- Когда возьмете, сразу сообщите.
- Есть. Только...

Его не дослушали, бросили трубку. «Максимы» вели огонь снизу вверх. Не сказать, что шумное прикрытие оказалось эффективным, однако немцы стали нести первые потери. Прилетевшая пуля ударила в лицо солдата, его положили на дно окопа, где он вскоре умер. Офицер, стрелявший из автомата, получил легкое ранение в руку. Русские «максимы» опасно пристрелялись, над брустверами поднималась глинистая пыль от попаданий пулеметных очередей. Офицер поглядел на ладонь, испачканную кровью, и отдал распоряжение не высовываться.

Дуэль понемногу затихла. Бесконечно долгим оказался сентябрьский день. Солнце повисло на одном месте, тянулись часы. Борис изредка менял положение, ныл позвоночник, хотелось просто согнуть и разогнуть тело, но удавалось лишь пошевелиться. Пулеметчики стерегли склон и в отместку за смерть товарища посылали очереди во всякое шевеление.

Очень неудобно чувствовал себя бывший лейтенант Сергей Маневич. Узкая щель, в которую он с трудом втиснулся, находилась в ста шагах от немецких окопов, он слышал негромкий разговор и даже ощущал табачный дым. Рана на боку пекла и чесалась, хотелось потрогать ее, но гимнастерка присохла намертво. Кроме того, слишком высоко торчала левая нога, ей не хватило места в промоине. Сергей со страхом ожидал: скучающий немец всадит в нее очередь, сломает кости, и тогда уж точно из глиняной норы не выбраться.

Однако он дождался темноты и осторожно пополз вниз, даже прихватил винтовку одного из погибших. В рощице у подножия собрались уцелевшие. Жадно глотали солоноватую колодезную воду, никак не могли напиться. Ивану Межуеву стало плохо, кружилась голова, к горлу подступала тошнота. Сквозь звон в ушах он слышал, как спорят со старшиной Глуховым, требуя водки.

- Утром будет, – отвечал тот.
- А почему не сейчас? Нам полагается.

Политрук Воронков, как всегда, веселый и энергичный, с сочувствием объяснял:

– Водка полагается перед атакой, товарищи. На рассвете подвезут, я лично прослежу, чтобы все получили.

- В бой тоже лично поведете? Или заочно?

Это спросил Сергей Маневич, который, наконец, отодрал присохшую к телу гимнастерку и убедился, что пуля лишь надорвала кожу. Даже с такой раной можно было идти в тыл, но Митрохин попросил его остаться, и он согласился. Не хотел бросать Елхова, Ходырева и других

ребят, с которыми подружился. Воронков не ответил. Зачем дразнить людей, которых завтра все равно добьют.

Молчал и капитан Митрохин. Неудача была оглушительной. Полчаса назад он имел неприятный разговор с командиром дивизии, которой временно подчинили роту. Полковник обозвал Митрохина мямлей и грозил лично навести порядок.

– Ты кого жалеешь? – кричал он в трубку. – Дезертиров и трусов? А может, себя? Так я тебя не пожалею.

Тогда Митрохин вспылil и ответил матюками. Комдив этот язык понимал лучше, успокоился и закончил разговор миролюбиво:

– Ладно, отдыхай и готовься. Но завтра отсидеться не надейся. Поведешь людей вместе с политруком. В одной цепи. Согласен?

И повесил трубку, не дожидаясь ответа. Согласен или не согласен – какая разница? Митрохин с тоской вспомнил, как летом под Котельниковым на глазах у него застрелили оставшего на марше командира роты бронбойщиков. Тот привел своих людей, когда бой уже заканчивался. Непонятно, насколько заслуженной оказалась расплата за медлительность, но разбираться не стали, слишком нервной складывалась обстановка. Тот капитан успел лишь удивиться. Его застрелили, объявив трусом, а командование принял взводный.

Потери оказались огромными. В третьем взводе, где числились Елхов, Маневич, Ходырев, Межуев, остались тридцать человек из восьмидесяти, командир был убит. Погибли большинство сержантов, которые не были штрафниками, но бежали в атаку в одной цепи. В других взводах дела обстояли не лучше.

Люди были подавлены, никак не могли поверить, что выжили. Сил хватило лишь на короткий пустой спор из-за водки, сейчас все лежали и молча курили. Митрохин видел, что многие бойцы вернулись без оружия, но нравоучений читать не стал. Коротко приказал старшине собрать винтовки и принести. Цепочка снабженцев и санитаров потянулась вверх, они надеялись завтра снова уклониться от боя.

В ночи ярко светили звезды, ветерок шевелил верхушки тополей, воздух был свеж, плыл запах полыни. Борис Ходырев лежал опустошенный, не оставалось места ни для страха, ни для переживаний, лишь тупое равнодушие.

В отличие от него, Иван Межуев не мог унять дрожь во всем теле. Раньше он служил ездovým в хозяйственном взводе, смерть видел лишь издалека. Попал в штрафную роту, толком не зная войны, а сегодня испытал настоящий ужас. Ему казалось, он видел пули, которые летели в него и жутко ввинчивались над головой.

На глазах Межуева пулеметная очередь перехлестнула пожилого штрафника. Дядька умудрился встать на сломанные ноги, тут же свалился, а когда Иван бежал обратно, разглядел огромное пятно крови вокруг умирающего человека.

Елхову приказали временно возглавить остатки взвода. Бывший комбат не преминул съязвить:

– Неужели доверяете?

– Собери хотя бы людей в одном месте, – попросил Митрохин.

Он раздумывал, кого назначить взводным. Воронкова бесполезно, тот сумеет уклониться под любым предлогом да еще пожалуется в политотдел. Митрохин без колебаний назначил бы Елхова, но тот являлся штрафником. Скорее всего, завтрашняя атака закончится неудачей, начнут цепляться к мелочам, могут спросить, почему взводом командовал рядовой.

– Ноги не гнутся, – пожаловался Воронков. – Вот ведь чертовщина...

Он поморщился. В темноте виднелись светлые волосы, блестели зрачки. Политрук был высокого роста, атлетического сложения, в университете занимался спортом. Он угадывал, что взводным могут назначить его, и готовил отговорки.

– Ладно, не стони, – сказал Митрохин, который, наконец, принял решение, но для этого требовалось поговорить с Елховым наедине.

– Давай прогуляемся, Степан Матвеевич, – предложил он.

И в стороне четко изложил бывшему комбату перспективы завтрашнего дня. Атака будет до последнего человека: рота либо выполнит задание, либо останется на холме. Ничего нового для себя бывший комбат не услышал.

– Какая разница в качестве кого я завтра пойду? Убьют в любом случае.

– Разница в том, что в случае отказа ты побежишь, как бычок на убой. Сзади вас будет подталкивать Воронков с помощниками. Когда все героически погибнут, он вернется и отпортует об этом. А командуя взводом, ты будешь иметь хоть какой-то маневр.

– Брось, Александр Кузьмич. Полоса наступления взвода всего сто шагов, нас перебьют за несколько минут.

Два опытных, достаточно послуживших капитана не спеша обсуждали ситуацию. В голове бывшего комбата зрели какие-то мысли, не до конца оформившиеся. Оба курили командирские папиросы «Эпоха», а еще Митрохин обещал принести водки.

– Неси, – согласился Елхов, – легче думать будет.

Шестая армия Фридриха Паулюса в конце сентября прочно увязла в Сталинграде в уличных боях. Немцы оседлали в нескольких местах правый берег Волги, а 62-я армия Василия Чуйкова обороняла полосу шириной двести метров. Казалось, еще немного, и город падет. Но этого не происходило. Ожесточение боев достигало высшего предела, роты и батальоны исчезали полностью, а от полков оставались одиночные бойцы и командиры.

На левый берег живых солдат (да и мертвых тоже) не переправляли, путь был в один конец. Или погибай, или побеждай. Эвакуировали раненых, но не так много добиралось их до санбатов и госпиталей, укрытых в пойменных лесах.

Приходилось ждать до ночи под обрывом, а переправа через Волгу обстреливалась прямой наводкой. Немцы топили суда с ранеными, с пополнением, которое непрерывно двигалось в Сталинград. Судьба города, а многие считали и войны, висела на волоске. Расстояние от западных границ Советского Союза до Волги составляло две тысячи километров, враг вклинился глубоко.

Во всех странах следили тогда за событиями в Сталинграде. Однако не менее драматические события разворачивались в степях южнее города. Немцы пытались прорваться к Астрахани, которая являлась перевалочной нефтебазой. Если окончательно затянуть петлю на нижней Волге, то будет наглухо перекрыто поступление нефти в центральную часть Советского Союза.

Вторая штрафная рота являлась одним из ударных подразделений 51-й армии, сражавшейся на огромном пространстве в калмыцких и астраханских степях. Рота была создана согласно приказу Сталина «Ни шагу назад!» и принимала сегодня свой первый бой. Пока провальный, грозящий полным разгромом.

Оба капитана искали выход из тупика. В этой головоломке главной ставкой была их собственная жизнь. И Митрохин и Елхов имели семьи, детей, хотели выжить. Сейчас они очень нуждались друг в друге. В роте не было командира опытнее Степана Елхова, и самое главное, он обладал авантюрной решительностью.

– Допустим, я принимаю предложение, – осторожно сказал бывший комбат. – А что дальше? Что мы имеем?

Оказалось, что рота практически ничего не имеет. В строю осталось сто тридцать человек. Еще десятка полтора тыловиков поставят на рассвете в ряды атакующих, но они ничего не решат. Помощи от дивизии ждать нечего, она растянулась по опорным пунктам и способна

кое-как лишь защитить себя, но предпринять активные действия не в состоянии. А этих действий настойчиво требуют, чтобы сбить темп немецкого наступления.

– Атака в лоб добьет роту окончательно, – рассуждал Елхов. – Надо придумать что-то другое.

– Надо, – соглашался Митрохин.

– Пару-тройку полуторок организуешь?

– Смеешься? Лошадей не хватает, не то что машин.

– Значит, пешим ходом двинем. Надо обходить чертов холм с двух сторон, наносить удар с тыла, ну, а затем атаковать.

– Стратег. Кто позволит штрафников в немецкий тыл запускать?

На самом деле Митрохин и сам пришел к такому решению, но в силу своей должности не мог его осуществить. А вот штрафной капитан Елхов может. Ему терять нечего, а если не получится, ну и черт с ним. Рота в любом случае обречена. Немного поспорив, решили, что классического обхвата с двух сторон не получится, действовать надо проще. Елхов возьмет с собой остатки взвода, часа в четыре утра начнет движение и с рассветом ударит с тыла.

Для штурмовой группы требовались автоматы. Их имелось всего несколько штук. За гранатами Митрохин пошлет старшину, еще он может подбросить Елхову пять «наганов», хранившихся в обозе.

– Тебе свой «ППШ» отдам, – сказал ротный.

– И еще одно условие, – торговался бывший комбат. – В атаке будет участвовать Воронков, хватит ему отсиживаться.

Елхов был злопамятен. За время пребывания в штрафной роте он сумел испортить донельзя отношения с политруком. Степан Матвеевич постоянно подковыривал Воронкова, ставил в тупик неожиданными вопросами. По этой причине Елхова не утвердили даже командиром отделения. Благодаря замполиту бывший капитан не вылезал из унижительных нарядов. Все это делалось в присущей Воронкову бодрой манере, со смешками. Независимого комбата просто гноили.

– Черт с ним, с Воронковым, – отмахнулся Митрохин. – Если решили, надо готовиться.

Старшина с помощниками принесли четыре ящика гранат. Оказалось, что во взводе с ними умеют обращаться не более десяти человек, а в боевой обстановке применял лишь Сергей Маневич. Елхов уже ничему не удивлялся. Когда проверял винтовки, выяснилось, никто во время атаки не выстрелил. Люди бежали с боевым оружием, как с деревянными палками.

– Бардак какой-то, – возмутился Елхов.

– У тебя в батальоне, конечно, лучше дела обстояли, – съязвил Митрохин.

Он недолюбливал Елхова за высокомерие. Тот по-прежнему ощущал себя комбатом и пренебрежительно относился к офицерам штрафной роты, включая Митрохина.

Тем временем Елхов назначил Сергея Маневича и Бориса Ходырева командирами отделений, вручил автоматы. Большинство сержантов, которые не являлись штрафниками, погибли, заменять их было нечем. Довольно сложные в обращении гранаты РГД-33 получили те, кто хотя бы теоретически умел ими пользоваться.

– Провернуть рукоятку вот так и затем встряхнуть, – напоминал Елхов. – Понятно?

– Ага, – кивал Иван Межуев, но в голосе бывшего колхозника угадывалось лишь напряжение.

Если Межуев был по натуре добродушным парнем, далеким от военных дел, то Борис Ходырев, более решительный и живой, загорелся охотничьим азартом. Он пересчитал отделение, проверил винтовки и приказал поставить их на предохранители. Плохо обстояли дела с обувью. Некоторые носили ботинки на босую ногу, стерли до крови пальцы. У двоих ботинки развалились. Помог старшина, принес пару сапог, мягкую проволоку для ремонта и большой кусок портяночного полотна.

Бойцы расселись на траве, меняли истлевшие портянки, обматывали сбитые ноги полотном, подвязывали ботинки проволокой. Этим же занималось отделение Маневича. Большинство штрафников не ужинали, завтракать также отказались.

– Успеем брюхо набить хоть на том, хоть на этом свете. А в бой лучше налегке идти.

Митрохин неплохо знал людей и нескольких человек в третьем взводе заменил. Опасаясь, что перебегут на сторону врага. Хотел забраковать и Межуева.

– Ни рыба ни мясо, – объяснил он Елхову.

Межуев спрятался за спину Ходырева. Его пугал непонятный ночной рейд, но еще больше боялся он утренней атаки.

– Пусть остается, – махнул рукой бывший капитан. – Парень сильный, винтовку крепко держит.

А Воронков произнес короткую речь, обращаясь к комсомольцам. Имелись ли среди штрафников члены партии, Борис не знал. По крайней мере никто свою принадлежность к партии не показывал.

– Рядовой Ходырев, я на вас надеюсь, – сказал в заключение Воронков. – Не подведете?

– Конечно, нет, товарищ старший политрук.

Вышли часа за полтора до рассвета. На северо-западе, там, где находился Сталинград, мерцали далекие сполохи. Здесь, в степи, было тихо, война давала знать о себе редкими пулеметными очередями и вспышками ракет. При бледном свете луны поблескивали белки глаз, выделялись выцветшие до белизны гимнастерки. Взвод шел нестройной кучкой, отделения смешались, бряцало оружие, котелки. Остановив людей, Елхов приказал сложить котелки на землю. Его послушались, команда была разумной.

Бывший комбат не питал иллюзий насчет высокого боевого духа временных подчиненных. В большинстве это были уставшие от войны люди, мало во что верившие. Он рассчитывал на лейтенанта Маневича, дисциплинированного, по-настоящему ненавидевшего немцев. Надежным казался ему Борис Ходырев и его приятель Иван Межуев. Уголовники Надым и Антоха вызывали враждебное недоверие. Он никогда бы не рискнул взять их в такое дело, но выбора не оставалось.

Рассвет еще не наступал, но звезды на восточной стороне неба теряли свою яркость. Немецких позиций видно не было. Здесь отсутствовала сплошная линия фронта, колючая проволока, широкие траншеи, да и тыла как такового не имелось. Небольшие вражеские части продвигались вперед, занимали господствующие высоты, выдавливая наши части на восток.

Сверкнула и погасла мгновенная вспышка. С секундным опозданием прилетели крик раненого человека и звук взрыва. Взвод дружно бросился на землю, а справа причитал человек, слышались еще крики, вспыхнули несколько ракет.

– Лежать, надо лежать, – бормотал Елхов. – Неужели обнаружили?

Однако взвод пока не заметили. На противопехотной mine подорвался перебежчик, двое других подняли руки и медленно шли к немецким окопам. С нашей стороны открыли огонь, завязалась перестрелка. Неожиданный переполох получился некстати, но он обнаружил прореху во вражеской обороне, куда торопливо втянулся взвод. Отчетливо слышались голоса, враг оказался совсем близко.

Взвод мгновенно преобразился. Это была уже не та беспорядочная толпа, гремевшая котелками и наступавшая друг другу на пятки. Тридцать человек, обозленных на свою судьбу, войну, проклятых фашистов, превратились в единый механизм. Еще недавно их гнали на убой, как скотину.

Многие задавались вопросом, для чего это нужно? Атака снизу вверх, прямо на пулеметы была обречена. Может, разведка боем? Неужели для этого надо гробить три сотни людей? Не виделось никакого просвета, сейчас появилась надежда. Наверняка кто-то выживет. А если

придется подохнуть, то случится это в горячке боя. Не придется бежать тупым стадом, испытывая беспомощность и ужас неминуемой смерти.

Вперед выдвинулись те, кто считал себя смелым. Командиры отделений Маневич и Ходырев, уголовник Надым, а с ними их приятели и земляки.

– Без выстрелов, мужики, – негромко советовал Елхов. – Орать тоже не надо.

– Сделаем.

– Ну, сучье племя, держись.

Некоторые примкнули штыки. Надым примеривал в толстой руке саперную лопатку. Иван Межуев перебросил винтовку из руки в руку, он отслужил срочную до войны и был обучен штыковому бою. Борис Ходырев не имел дела с автоматами, забыл, в какую сторону передвигать предохранитель, но спрашивать не стал.

– Пошли, – подал последнюю команду Елхов.

Он сумел привести взвод в полной темноте в нужное место, теперь все зависело от бойцов. Несмотря на решительность, люди медлили. Подгоняя их, на склоне холма сверкнули вспышки пулеметных очередей. Борис, наконец, вспомнил, как действует предохранитель, и шагнул следом за Елховым. Кто-то выронил гранату, подобрал ее и больше не выпускал из руки.

Если третий взвод, сплоченный и злой, готовился к бою, то внизу дела обстояли не так благополучно.

Из штаба дивизии явились проверяющие: особист Иван Андреевич Стрижак и политработник. Вначале они не вмешивались, держались вполне дружелюбно. Спокойно, хоть и скептически, восприняли известие о третьем взводе, посланном в обход.

– Ну, ты полководец, Александр Кузьмич, – только и сказал особист.

Получилось так, что Стрижак принял деятельное участие в создании штрафной роты. Никто не представлял, как все будет выглядеть, штаты пришли временные. Решили, если речь идет о людях, преступивших закон (или воинские приказы), то не обойтись без особого отдела.

– Ваш взвод к немцам не забредет? Вот шутка получится, – сказал политработник, имевший звание полкового комиссара.

Никому такой исход шуткой не показался. Нынешним летом под Харьковом сдавались в плен штабы, не говоря о рядовых бойцах. Что мешает сдаться взводу штрафных бойцов? Капитан Митрохин все больше нервничал и жалел, что предпринял такую авантюру. Отвечать будет он, а политрук, как обычно, останется в стороне.

Жизнь никогда не баловала Александра Кузьмича. После нескольких лет сверхсрочной службы он закончил курсы командиров, получил взвод, а спустя долгое время – роту. За спиной посмеивались над его северной медлительностью (он был родом с Вологды) и малым образованием. Командир он был добросовестный, исполнительный, но начальство не видело в нем молодцеватости, готовности немедленно исполнить любой приказ.

Эти недостатки, а также неумение бодро рапортовать, поставили его в разряд неперспективных командиров. Карьера Александра Кузьмича не складывалась, сослуживцы командовали батальонами, некоторые шагнули выше. Митрохин являлся хорошим организатором, а в бою не прятался за чужие спины. Но двигать вверх его не собирались, в капитанах он ходил с тридцать девятого года. Предложение возглавить штрафную роту воспринял с недоверием.

Стрижак, занимавшийся комплектацией, нарисовал перед ним заманчивые перспективы. Права командира отдельной штрафной роты приравнивались к правам командира полка, один месяц службы шел за шесть. Не последнюю роль играло жалование, которое составляло со всеми надбавками полторы тысячи рублей. Александр Кузьмич не был слишком жадным до денег, но привыкший считать каждый рубль, прикинул, что даже за несколько месяцев сумеет скопить неплохую сумму. Кроме всего прочего, Митрохину пообещали майорское звание,

которое на прежней должности не светило. Сейчас он проклинал себя за необдуманное решение. За час истребили половину роты, судьба остальных представлялась такой же мрачной.

– Ладно, не дергайся, – угадал его состояние Стрижак. – Никуда Елхов не денется. А если что, побежишь в атаку впереди.

– И побегу, – набычился ротный. – Мне не привыкать.

– Молодец, злым становишься.

Воронков не разделял решимости командира, но здесь находился представитель политотдела. А значит, от личного участия в атаке не отвертеться.

Бойцам в темноте наливали водку. Старшина Прокофий Глухов имел двухсотграммовый мерочный стакан, наполнял его доверху и опрокидывал в подставленные кружки. Те, кто покрепче, получали довесок. Кашу и хлеб никто не трогал, водку запивали водой. Через полчаса над исходными позициями висел махорочный дым.

Люди, одурманенные большой порцией алкоголя, пришли в возбуждение. Особист знал, что скоро оно превратится в усталую депрессию, надо использовать моменты наивысшего подъема. Но Митрохин медлил, хотя уже угадывался рассвет.

– Чего ждем? Начинайте, – торопил капитана политработник из дивизии.

Митрохин поглядел на особиста, тот зевнул и предложил подождать еще немного. Стрижак рисковал. Он не имел права вмешиваться в командные дела. Если наступление провалится, ему припомнят потерянные минуты. Но особист имел характер и верил штрафнику Елхову, который затерялся где-то в темноте. Почему он не дает о себе знать? Может, сбился с пути и где-то бродит? Ждать дальше было нельзя, медленно подступал рассвет.

– Ладно, пошли, – сказал он.

Митрохин дал сигнал, рота пришла в движение, полезла вверх по склону. Активных командиров взводов и отделений за вчерашний день выбили, оставшиеся в живых не торопились. На этот раз в тылу никого не оставили, шагали санитары, снабженцы, подносчики боеприпасов. Разномастная тыловая братия отставала, выигрывала время. На них оглядывались остальные бойцы, тоже замедляли шаг, тревожно переговаривались.

Немцы услышали шумное восхождение издалика, выпустили ракету, но огонь пока не открывали. Это пугало людей еще больше, ротный каптер присел и сделал вид, что поправляет сапог, но его подтолкнули другие штрафники.

– Попробуй сбеги. Это тебе не шинели считать.

Рота ускорила шаг. Хотелось быстрее покончить с неизвестностью. Алкоголь продолжал действовать, люди приходили в возбуждение и желали драться. Политрук Воронков еще больше хромал и пытался отстать. Митрохин подталкивал его. Тот отшучивался, скрывая за смешками страх.

Немецкие пулеметчики выждали, сколько положено, затем вспыхнули сразу несколько ракет и сверху понеслись пучки ослепительно ярких трассирующих пуль.

Старшине Глухову поручили командовать расчетом «максима». Поддерживая роту, он открыл довольно точный огонь. Его трассеры пересекались с вражескими, утыкались в пульсирующие вспышки, возможно, находили цель. На Глухова обратили внимание. Сразу два «МГ-42» скрестили огонь на русском «максиме». Несколько пуль ударили о щиток с такой силой, что старшина невольно выпустил рукоятки.

Второй номер опустился на дно окопа и шумно дышал. Глухов сидел рядом, ожидая, когда немецкие пулеметы перенесут огонь на другую цель. Бруствер осыпался сухими комками, разрывные пули щелкали, как удары кнута, вспыхивая мгновенными огоньками. Второй «максим», находившийся в десяти шагах, тоже молчал. Командир расчета ворочался на дне окопа, зажимая ладонью рану на лице. Санитаров внизу не осталось, а помощник раненого пулеметчика растерялся.

Тогда старшина стал вести огонь из обоих пулеметов по очереди. Опомнился помощник, взял себя в руки. Такая активность помогла остаткам роты продвинуться еще немного. Затем вражеский огонь усилился, и началось повторение вчерашнего дня. Бежавшие впереди гибли один за другим, остальные ложились на землю, отползали или прятались за телами убитых товарищей.

Вспышки ракет высвечивали в рассветной полутьме картину разгрома. Мелькали искаженные гримасами лица, люди беспорядочно метались, их преследовали собственные тени. Кто-то кричал, стучали редкие винтовочные выстрелы. Потерявший голову боец бежал со штыком наперевес прямо на вражеский пулемет. Споткнулся о мертвое тело, упал, и это его спасло. Вставать снова решимости не хватало, атака захлебывалась. Капитан Митрохин понял, настала его очередь. Передернул затвор «ТТ» и толкнул политрука.

– Пошли, Виктор.

– Убьют ведь...

– Свои тоже не пощадят. Подохнем, как труссы.

– Страшно, – просто, по-человечески, пожаловался Воронков и вылез из окопа.

Командир и политрук двинулись вперед, держась вплотную друг к другу. Оба хорошо понимали, жизни им отпущено несколько десятков шагов. Переломить ситуацию и спасти их от смерти могло только чудо. О взводе Елхова оба не вспоминали.

Первым натолкнулся на врага разжалованный лейтенант Сергей Маневич. Перед ним оказался подносчик боеприпасов, тащивший на плече ящик с патронами. В другой руке он нес десятилитровую канистру с водой. Два пулемета неподалеку вели такой интенсивный огонь, что заглушили остальные звуки. Белорус, не имевший известий о семье с осени прошлого года, стал для врага смертельно опасным хищником. Он возник перед немецким солдатом, как привидение, и дал очередь в упор.

Брякнулись на сухую землю тяжелый ящик и канистра, солдат падал, согнувшись в пояс. Сергей Маневич уже стрелял в другого солдата, сидевшего в неглубокой ячейке спиной к нему. Тот обернулся, прямо в лицо бил вспышками громоздкий русский автомат с дырчатым кожухом. Немец задохнулся от мгновенного страха, он совсем не ожидал появления врага. Прятаться негде, в него стреляли сверху вниз, а окоп был неглубоким. Он завалился на бок и застыл с открытыми глазами.

Капитан Елхов справлялся с пулеметным расчетом. Хотя он стрелял с близкого расстояния, длинная торопливая очередь получилась неточной. Елхов сумел ранить фельдфебеля, а второй номер, юркий, спортивный, бросился на него, обхватил за ноги и свалил. Они возились на дне окопа. Длинный мосластый капитан сдал глотку врага, но тут же получил сильный удар в глаз и невольно разжал ладони. Солдат мгновенно вскарабкался на него и стал душить.

Иван Межуев кричал, выставив перед собой винтовку со штыком. Он искал и не мог найти врага. В дальнем конце неглубокой траншеи поднялся офицер, выстрелил в красноармейца из пистолета. Промаяхнулся, снова нажал на спуск, однако сбоку возник уголовник Надым. Именно таким рисовали на плакатах кровожадных азиатов: плосколицых, с раскосыми глазами и звериным бессмысленным взглядом.

Саперная лопатка ударила под каску, перерубила ремешок и нижнюю челюсть. Офицер задохнулся от мгновенной боли и, подхватив ладонью челюсть, бросился убежать от смерти. Еще минуту назад он удовлетворенно наблюдал, как пулеметы снова уничтожают толпу русских. Он чувствовал себя уверенным и непобедимым.

Сейчас уверенность исчезла, кровь заполняла горло, мешала вздохнуть, туманилось сознание. Его догнал другой уголовник, Антоха, неумело перехватил винтовку, хотел добить прикладом, но получил очередь от вражеского солдата и свалился на землю.

Штрафники растекались по неглубокой траншее, вспыхивали быстрые и жестокие схватки. Борис Ходырев бросился на пулеметчика, который душил Елхова. Тот оказался

хорошо тренированным умелым солдатом. Сплелся клубок из трех тел. Полузадушенный капитан, не обращая внимания на сдавленное горло, колотил врага кулаками. Удары достигли цели, пулеметчик ослабил схватку.

Иван Межуев, двадцатишестилетний колхозник из Ульяновской области, наконец отыскал объект атаки. Он не растерял навыки штыкового боя, которому обучали во время срочной службы, и сейчас это умение пригодилось. Штык вошел в живот автоматчику, только что уложившему очередью в упор воренка Антоху. Автоматчик ахнул и присел, зажимая рану ладонями. Жало штыка, испачканное кровью, описывало полукруг, выискивая новую жертву.

Сергей Маневич, расстреляв за минуту диск, выдергивал из подсумка запасной. Борис Ходырев никак не мог справиться с пулеметчиком. Елхов, лежа на боку, задышался, кашлял и помочь не мог. Вражеский солдат одолевал. Он крепко придушил Елхова, теперь взялся за Ходырева. Борис нащупал под рукой железяку, это оказался противогазный футляр, и стал остервенело колотить по лицу пулеметчика. Через несколько секунд пальцы разжались, немец был оглушен.

Два вражеских солдата погибли под ударами штыков, третий заслонился винтовкой, которую не успел перезарядить. Его пырнули сверху вниз. Пока русский выдергивал застрявший в грудной клетке штык, другие солдаты растерялись и непростительно медлили.

Многие просто не ожидали от медлительных и неразворотливых славян такого напора. Происходила доисторическая азиатская драка, где не жалели ни свою, ни чужую жизнь. На месте убитого русского тут же возникал новый, который несся прямо на пули, выставив вперед узкое жало четырехгранного штыка. Это привело к замешательству. И все же у немецкого взвода, оседлавшего холм, еще имелись шансы выиграть бой.

Расчет на правом фланге перебросил «МГ-42» на задний бруствер. Пулеметчик открыл огонь, очереди с близкого расстояния смахнули группу штрафников из пяти-шести человек, все они свалились убитые или тяжело раненные. Закончилась лента. Второй номер мгновенно подsunул новую, лязгнула крышка, затвор послал в ствол желтый патрон, рука легла на рукоятку. В другом месте также организовали отпор. Там руководил унтер-офицер, который навскидку стрелял из винтовки, сумел свалить двоих штрафников и призывал камрадов не проявлять растерянность.

Моральный дух немецких солдат в тот период был очень высок, имелся опыт побед и отличное оружие. В то же время они очень ценили собственную жизнь. Пулеметчики и унтер-офицер уже нанесли неплохой встречный удар, уверенно перехватывая инициативу, но удача им не сопутствовала.

Молодой офицер с разрубленной челюстью потерял голову. Рот наполнился кровью, он не мог дышать, страх смерти гнал его непонятно куда. Возможно, искал санитаря, он очень не хотел умирать. Вид бегущего командира всегда действует на подчиненных разлагающе. Возникла заминка.

В эти же минуты на пулеметчиков посыпались шестисотграммовые гранаты РГД-33. Чтобы такая штука взорвалась, требуется повернуть рукоятку, затем встряхнуть гранату, как градусник, и лишь затем швырять. Плохо обученные бойцы забывали сделать либо одну, либо другую операцию.

Гранаты летели как попало, не взрываясь, но их было много, нервы у расчета «МГ-42» не выдержали. Первый немец, так и не выстрелив, отпустил рукоятку и бросился на дно окопа. Одна из гранат все же взорвалась. Осколки разлетелись по траншее, ранив сразу нескольких человек. Из окопа выскочил солдат возрастом старше других и бросился вслед за офицером.

Это оказался переломный момент боя, который мгновенно использовали штрафники. Сергей Маневич стрелял налево и направо, опустошая диск. Ни в кого не попал, но усилил неразбериху. Капитан Степан Елхов, в порванной гимнастерке и ссадинами на лице, выкри-

кивал команды и всячески подбадривал взвод. В его командах люди сейчас не нуждались, но присутствие опытного командира усиливало моральный дух.

Унтер-офицер, светловолосый, скандинавского типа красавец, бежал к брошенному пулемету с заряженной лентой. Уже тянулся к нему пальцами, но еще быстрее приближался Борис Ходырев. На бегу дал одну-вторую очередь, затем остановился. Бывший сержант еще не привык убивать. Враг находился на расстоянии двух шагов, Ходырев видел его загорелое, хорошо выбритое лицо, глаза, глядящие в упор.

Унтер (тот же сержант) воевал раньше на западном фронте, а теперь уже полгода находился в России. Он не считал русских серьезным противником, но сейчас, оказавшись с одним из них, напряженно искал выход из смертельно опасной ситуации. Невысокого роста, смуглый, в обшарпанной форме, русский солдат медлил, словно давая шанс выкарабкаться из переделки. Унтер медленно поднял обе руки и заговорил.

Русский слушал. Теперь следовало броситься на него и отнять оружие. Нужно просто сделать шаг, подобраться и прыгнуть. Немцу казалось, время остановилось, он осторожно двинул ногу вперед, продолжая оплетать русского паутиной слов. На самом деле время двигалось, как обычно, и Ходырев замер всего на несколько секунд. Палец надавил на спуск, последовала длинная очередь. Затвор автомата громко лязгал, подавая в ствол очередной патрон из круглого диска. Когда Борис отпустил палец, оружие дымилось, горячий металл обжигал. Унтер-офицер привалился к стенке окопа, на мундире набухло красное влажное пятно.

Немцы отступали по склону. Если в окопах штрафники одержали победу благодаря отчаянной смелости, то организовать преследование и добить врага умения не хватило. Вражеские солдаты из штурмовой 16-й дивизии, имевшие большой опыт, наконец опомнились и сумели организовать грамотное отступление.

Они откатывались перебежками, давая время уйти раненым товарищам. Расчеты двух пулеметов отходили последними, стреляя с пояса, не слишком метко, но с большой интенсивностью. Штрафники, бросившиеся в погоню, тут же легли, не желая больше рисковать. Сергей Маневич, гнавшийся за врагом с пустым автоматом, едва успел увернуться от веера пуль.

Бориса Ходырева спасла быстрая реакция. Он нырнул в окоп, пули разбились в пыль комья земли на бруствере. Немцы тем временем спустились с холма, добрались до грузовика и мотоциклов, стоявших у подножия холма. Бросали в кузов и коляски вещи, спешно грузились, водители газовали, ожидая команду. Степан Матвеевич Елхов, с помятым горлом и заплывшим глазом, был разозлен тем, что его чуть не задушили, как кутенка. Оттолкнул от трофейного пулемета Надыма и открыл огонь.

Незнакомое оружие сначала слушалось плохо. При каждом нажатии спуска скорострельный «МГ-42» выбрасывал длинную очередь, ствол подкидывало. Елхов быстро приспособился и даже всадил в кузов грузовика, стремительно уходившего из-под обстрела, несколько пуль. Солдаты хватались за борта, машину кидало на ухабах, следом тащилось облако бурой пыли. Капитан остался доволен, поднялся из-за пулемета и отдал распоряжение:

– Маневич, Ходырев, посчитать людей, доложить о потерях.

Над холмами и равниной повисла тишина. Лишь со стороны поселка Деде-Ламин немцы вели неторопливый обстрел высоты, занятой русскими штрафниками. Мины звенели, набирая высшую точку, затем срывались и стремительно падали вниз. Взрывались с большим разбросом, не оставляя воронок. Люди бросались вначале на дно окопов, затем привыкли и занимались делами. К вершине холма подтягивалась остальная рота, неторопливо шагали оба проверяющих из штаба дивизии.

Глава 2

Штрафные солдаты

Бориса Ходырева забрали в армию в апреле сорок второго года. До этого имел отсрочку как нужный специалист. Работал линейным мастером по обслуживанию линии электропередачи, немалая должность по сельским меркам. В конце зимы, когда выдохлось успешно начатое наступление наших войск под Москвой, а немцы ударили в ответ под Харьковом, подобрали и специалистов.

Ходырев закончил семь классов, курсы электриков, его собирались направить в военное училище. Пока готовили документы, положение под Сталинградом стало угрожающим. В учебном полку каждый день формировали маршевые роты, присваивали бойцам посмысленнее сержантские звания и отправляли на фронт.

Можно сказать, Борису повезло. Его забрали представители инженерного батальона.

– У нас нормально, – говорили ему. – Электрики нужны. Лучше, чем в окопах сидеть.

– А я вам подойду? – простодушно сомневался Борис.

– Аккумуляторщиком будешь. Знаешь, что такое?

– Конечно, знаю.

– Вот и хорошо.

Пароход шел по обмелевшей за лето Волге к Сталинграду. По реке плыли мазутные пятна, деревянные обломки, иногда слышался отдаленный гул, от которого на душе становилось тоскливо. Яркий летний день вдруг сделался бесцветным. Солнце скрылось за пеленой дыма и облаков, запахло гарью, серая вода мелко рябила, словно ее подталкивали изнутри.

Новобранцы, чуя неладное, упорно лезли из трюмных помещений вверх. Их пытались спихнуть обратно, однако толпа смела командиров и растеклась по палубе. Трюмы с круглыми иллюминаторами на уровне воды казались людям мрачной ловушкой. Как позже выяснилось, так оно и случилось.

Зенитчики спаренной пулеметной установки пытались скрыть страх, но это удавалось плохо. Стволы «максимов» напряженно шарили рыльцами из стороны в сторону, выискивая цель. Иногда принимали за вражеские самолеты крупных чаек, во множестве летавших над рекой. Напряжение росло. Показалась одна из первых сталинградских переправ.

Под прикрытием пойменного леса копошилась огромная толпа красноармейцев, ожидавших парома. Некоторые заходили по щиколотку в воду, пили из котелков, глядели на проходивший пароход.

– Куда их, дядя? – спросили у командира зенитной установки.

– Здесь дорога в один конец. В Сталинград.

– А почему в один?

– Сам потом поймешь.

У пригородного поселка Светлый Яр внезапно налетели самолеты. «Юнкерс» с торчавшими шасси спикировал на пароход, не обращая внимания на пулеметный огонь. Бомба вихлялась, как плохо раскрученный волчок, но падала стремительно.

По ушам ударила тугая волна, взрыв поднял фонтан воды и мокрого песка. Не повезло самоходной барже, идущей впереди. Тяжелой кормой она опускалась в воду, высоко задирая нос. Баржа мгновенно потеряла ход, ее несло мимо парохода, виднелось днище, облепленное ракушками. Из небольших иллюминаторов с выбитыми стеклами высовывались руки и головы новобранцев. Просили помощи десятки, а может, сотни голосов. Баржа прошла рядом, Ходырев никогда в жизни не видел такой страшной картины.

С бортов прыгали люди, течение несло их вместе с баржей. В трюме не смолкали вопли, обреченные люди отталкивали друг друга от иллюминаторов. Кто-то сумел протиснуть плечи и руки, наглухо застрял, тщетно извиваясь. Это был мальчишка лет семнадцати. На секунду он встретился взглядом с Борисом, затем снова стал вырываться из ловушки.

– Почему их не выпускают? – взволнованно спросил Ходырев у стоявшего рядом матроса.
– Трюмные люки перекосило, обычное дело. Ты глянь, что делается.

К тому времени немцы хорошо заминировали реку. Суда с низовьев шли к Сталинграду небольшими караванами. Кроме парохода и баржи, под прикрытием тральщиков двигались несколько деревянных сейнеров, приспособленных для перевозки людей и грузов.

Один из сейнеров не сумел отвернуть от гибнувшей баржи. Дощатый смоленый корпус треснул, как скорлупа. Мачты, подъемные стрелы и веревочные снасти сейнера сплелись с надстройками баржи, которая начала стремительно тонуть. В огромной воронке исчезли оба судна, затем вода вытолкнула обломки сейнера. Отдельно плыли куски обшивки, деревянная каюта, мачта с распустившимся парусом, смоленые черные доски. И ни одного человека.

«Юнкерсы» взяли за пароход. Маленький тральщик пытался им помешать огнем двух своих пушек. Один из самолетов сбросил бомбы на тральщик, второй – на пароход. На этот раз Борис не услышал ни звука летящей авиабомбы, ни воя самолетов. Грохнуло совсем рядом, пароход словно наткнулся на невидимую стену. Бойцы катились по палубе, ломали ограждение и собственные кости, летели гроздьями за борт. Упал вместе с другими и Ходырев.

Наглотался воды, но все же вынырнул. Люди вокруг тонули один за другим. Причиной этого стало неумение многих бойцов плавать, контузии, ушибы, а также намокшая одежда. Красноармеец рядом с Борисом кувыркался в воде, пытаясь снять ботинки. Мелькнула поднятая рука, и человек исчез.

Положение усугублялось паникой. Люди кричали, отчаянно колотили руками и ногами, быстро теряли силы. Некоторые барахтались в мазуте, он облеплял волосы и лицо маслянистым ядовитым слоем, забивая дыхательное горло.

Борис сумел сбросить с ноги один ботинок, на втором затянулся шнурок. Плыть мешали размотавшиеся обмотки, он их сорвал, но оставшийся ботинок, как гиря, тянул на дно. Наверное, там бы и закончился путь Бориса Ходырева, но под ногами он ощутил вязкий песок.

Выбрался на песчаную косу и стал свидетелем гибели парохода. Очередная бомба взорвалась у кормы, обрушилась труба, кувыркнулись шлюпки. Пароход накренился, правое гребное колесо звучно шлепало о воду, левое остановилось. Возле огромной пробоины вспенился водоворот, на верхней палубе продолжала стучать длинными очередями зенитная установка.

Наверное, пулеметчики не успели спастись, пароход легко провернулся вокруг оси, встал днищем вверх и стал стремительно погружаться. Борис добрался до берега, сутки шатался, пытаясь найти хоть какое-то начальство. Никто не хотел с ним связываться, посылали в райвоенкомат. Он хотел прибиться к маршевой роте. Но командир огромной колонны был озабочен лишь одним – довести людей до переднего края. Он отмахнулся от Бориса, а подвыпивший старшина сказал с сочувствием:

– Чего ты торопишься? Куда мы идем, оттуда не возвращаются. Не торопись, пока не припекло.

Уставшие от многодневного марша бойцы были облеплены пылью и не реагировали на мрачное предсказание старшины.

В голове Бориса что-то щелкнуло, он зашагал в обратную сторону. Обувь найти не сумел, шагал босиком, сбил ноги, но упрямо продолжал путь к дому. Через два дня его задержал патруль. Лейтенант, слушая рассказ, лишь качал головой. Парень отмахал сто с лишним верст и упрямо рвался идти дальше.

– Отпустите меня, – попросил Борис.

– Зачем? – удивился лейтенант.

- Домой пойду.
- Свихнулся, что ли?
- От страха он одурел, – сказал патрульный солдат с комсомольским значком на груди. –

Глядеть на это чучело противно.

Задержание происходило посреди села. Собрались люди, ожидали, что будет дальше. Борис Ходырев, несостоявшийся боец инженерного батальона, очень напоминал плакатного дезертира. Обросший щетиной, в расхристанной гимнастерке без пояса, он переминался, глядя на избитые в кровь ноги. Только сейчас почувствовал, как они горят. Когда вели в кутузку, пришлось шагать через участок высохшей травы. Израненные ступни обжигало сильной болью, но когда он замешкался, лейтенант сильно пихнул в спину.

- Двигай живее!
- Не могу, ступни сбил.
- От фронта резво убежал.

А солдат с комсомольским значком не дал закурить. Предупредил:

- Не вздумай бежать. Стрельну.
- Куда я побегу, вон ноги в крови.
- Пожалеть тебя?

И больно толкнул прикладом. В подвальной камере районной комендатуры Бориса приняли более тепло. Посоветовали распухшие ступни лечить мочой. Дали махорки и объяснили, как надо держать себя на допросе.

- Кайся, говори, что ничего не соображал.
- Так и было, – отвечал Борис. – У меня в башке перемкнуло, вот и дунул непонятно куда.
- А сейчас готов сражаться до последней капли крови, – подсказали ему.

Ходырев соображал, издеваются над ним или продолжается инструктаж. Помявшись, заметил:

- Не обязательно до последней...
- Гля, поумнел!

Камера невесело посмеялась. Большинство из обитателей были дезертирами, имелась и другая публика. Сидел огромного роста боец с низким лбом и массивной, выпирающей вперед челюстью. Кроме дезертирства, он обвинялся в изнасиловании и убийстве. Основную часть времени он спал, зарывшись в солому. Когда приносили холодные сизые комки ячневой каши, жадно глотал свою порцию. Хлеба не давали, кашу запивали водой.

Насильника звали Геша, над его тупостью за спиной издевались, но и побаивались. Когда ему ночью стало холодно, он вытряхнул из шинели соседа. Обиженный человек пытался отстоять свое имущество, но получил удар в лицо.

Никто из обитателей камеры не вмешивался. Геша обладал огромной физической силой. Однажды ему вздумалось глянуть сквозь решетку. Наморщив покатый лоб, с минуту раздумывал, затем разогнул толстые прутья. Когда Гешу выводили на допрос, конвоиры нервничали и с порога предупреждали:

- Вести себя смирно. Церемониться не будем.

Геша зевал со сна, отряхивал солому и, пригнувшись, нырял в низкий дверной проем. Если дурковатого Гешу опасались, то мужика, обвиняемого в мародерстве, безбожно шпыняли. Тот вылавливал из Волги тела погибших солдат, снимал одежду, обувь и неплохо на этом зарабатывал. Кроме того, он первым прибежал к местам бомбежки и урывал все, что мог.

Мародера сильно били на допросах, что-то выпытывали. Видать по всему, он жил неплохо, жена передавала ему сало, которое он жрал тайком, ни с кем не делаясь. Выбитые зубы мешали жевать. Геша уловил сквозь сон запах подкопченной шкурки, отобрал сало и проглотил без хлеба. Сочувствия мародер не вызывал. Ему злорадно советовали:

- Признайся, где золотишко прячешь. Легче подышать будет.

– Какое золотишко? – пугался тот.

В другом углу камеры возились уголовники. Они чувствовали себя как рыба в воде, играли по ночам в карты, смеялись, что-то ели. Однажды заинтересовались добротной гимнастеркой Бориса. Предложили старую и рваную, обещая в довесок хлеб. Ходырев отказался, тогда пригласили поиграть в карты.

– Отстаньте, – решительно заявил он.

– Тебе гимнастерка ни к чему. Дезертиров нынче стреляют.

Соседи утешили:

– Не всех стреляют. Некоторых снова на фронт посылают. Может, и тебе повезет.

Ходырев отошел от панического настроения и действительно раскаивался. Как и все двадцатилетние, он не слишком боялся смерти. Хоть и небольшого роста, но цепкий и жилистый, он чувствовал свою силу. В отличие от деревенских сверстников, Борис был образованнее, не просто работал из-под палки в колхозе, а имел довольно редкую специальность электрика. Мать, так и не научившаяся грамоте, иногда пускала слезу от умиления:

– Сто десять рублей жалованье, мы всей семьей столько не заработаем. Старайся, Боренька, если в люди вышел.

На допросе у военного следователя Ходырев заявил, что готов идти на фронт в любом качестве. Вину свою осознал и желает искупить. Следователь, много чего повидавший, чинил карандаш, слушал парня, затем спросил:

– Чернявый ты, не татарин случайно? И фамилия подходящая – Ходырев, Ходыев...

– Не знаю. Кажись, русский.

– Родом откуда?

– Село Старица Астраханской области.

– Сяло, – передразнил его следователь, собирая в ладонь стружки от починки карандаша. – Нет тебе веры, Борис Иванович. Кишка тонка оказалась, из-под Сталинграда драпал, а на фронте к фрицам побежишь.

– Не побегу. Вы напишите в своих бумагах, что я вину искупить желаю.

– Напишу. Бумага все стерпит, а вот суд...

Кроме следователя, водили на допросы к особисту. Тот оказался парень веселый, немногим старше Ходырева и слишком простецкий. Наверное, так казалось. Был убежден, что среди задержанных обязательно имеется немецкий шпион, и убеждал Бориса помочь в разоблачении.

– Какие тут шпионы? – удивлялся Ходырев. – Мародер, что ли, на немцев работает? Ему на всех наплевать. Или Геша-придурок. Он же ненормальный.

– А ты присмотришь.

В качестве аванса Борис получил пачку махорки. Когда стал угощать соседей, его мгновенно раскусили.

– Кум стучать приглашал?

– Какой кум?

– Не строй дурака, – сказал мелкий вор Антоха, добравшийся в южные края из-под Калуги. – За какие заслуги махорку дали?

– Особисту шпионы кругом мерещатся. Сообщи, мол, если чего подозрительное заметишь.

– Значит, ты стукач, – наседавал воренок. – Махорку-то принял.

– Пошел на хрен.

– А это ты видел.

К горлу тянулся заточенный, как жало, черенок алюминиевой ложки. Борис скрутил руку, выдернул самодельный нож, воренка отшвырнул в угол. Спасая авторитет, тот кинулся с кулаками, но получил точный удар в лицо и свалился на цементный пол. К Антохе присоеди-

нился еще один урка. Взъерошенный Борис готовился к драке, но ее пресек новый обитатель камеры, долговязый капитан Елхов со следами споротых шпал на петлицах.

– Хватит. Ну-ка дай сюда ножик.

Позже Борис жаловался ему:

– Следователь ни на грамм не верит, а я ведь раскаиваюсь.

– Иногда одного раскаяния мало, – ответил долговязый, думая о своем.

– А что же мне делать?

– Спи, утро вечера мудренее.

Дни шли. Привозили одних людей, других уводили. Кормежка стала совсем никудышной. О комках безвкусной каши Борис мог только мечтать. В день доставался черпак пустой баланды с запахом рыбы, в которой плавали черные капустные листья. Вместо хлеба иногда давали вареную свеклу. Жрать хотелось постоянно. Ходырев пытался обмануть голод, выпивая как можно больше воды, отчего под глазами появились черные круги. Елхов внимательно оглядел его и посоветовал:

– Прекрати воду без меры хлебать, иначе почки посадишь.

Но сильнее всего страдали от духоты. Народу в камере набилось столько, что не все имели возможность лечь. Люди задыхались от спертого воздуха, возникали короткие потасовки из-за места, неосторожно сказанного слова или просто от раздражения. Какой-то служивый успокаивал соседей:

– Что вы сцепились? Тяжко здесь, душно, ну и что? Скоро проветритесь, там вас быстро помирят.

Непонятно, что он имел в виду – фронт или смертную казнь, но люди примолкли. Возможно, задумались о будущем. Одному из сидельцев стало плохо. Он стал просить воды, рот свело судорогой, вода текла за воротник. Вскоре он умер. Тело долго лежало под ногами, Борис косился на мертвеца, тот отмучился, а ему предстояло стоять несколько часов, пока не наступит очередь лечь и заснуть. В мозгу проносились обрывки видений, показалось, что наступила зима и за окном снег. Он открыл глаза и увидел тусклую лампочку в проволочном колпаке. Она плавала в белесой полутьме.

Кто-то не выдержал, колотил в дверь ботинком и соглашался идти куда угодно, только бы не гнить здесь заживо. Насильник Геша просыпался среди ночи, вглядывался в полумрак и громко спрашивал:

– Где я?

Ему отвечали матом. Борис спросил капитана Елхова, долго ли будет длиться следствие.

– Сейчас быстро решают, – ответил тот. – Раз-два и готово. Запросто могут шлепнуть.

– И вас тоже?

– Нет. Меня расстреливать смысла нет, я кадровый командир. Был комбатом, поставят ротным. А вот тебя в два счета стрельнуть могут.

– Глупо, – пытался усмехнуться Борис, – я больше пользы на фронте принесу.

– Какая с тебя польза? Опыта не имеешь, пока научишься всему, время нужно, а его нет.

А как пример в назидание трусам можно использовать.

Перспектива быть использованным в качестве примера, то бишь расстрелянным, разволновала настолько, что Борис не мог спать. Ворочался, вслушивался в ночное бормотание, чесалось, зудело тело.

– От нервов, – говорил капитан Елхов.

А в голову лезли мысли о расстреле, сжималось дыхание.

– Как теперь расстреливают? – спросил он капитана.

Елхов не ответил, зато доходчиво объяснил другой сосед:

– Очень даже просто. Поставят на край ямы и шарахнут в затылок. Если из «нагана», то полбеда, а винтовка башку разнесет, мозги в разные стороны. Будешь лежать, пока яму не заполнят такими же дураками. Когда вспухнешь как следует, тогда землей засыпят.

В интересный разговор вмешались уголовники. Плели несусветное: приговоренным мажут лоб зеленкой, перед смертью спрашивают последнее желание и дают закурить. Елхов морщился – блатная рисовка его раздражала.

– Зеленку на тебя тратить. Пальнут в грудь или спину и как зовут не спросят.

– Меня в грудь нельзя. И в спину тоже, – хвастливо заявил старший из воров. – Глянь сюда.

Он снимал рубашку и показывал синий от татуировок упитанный торс. На левой стороне груди был выколот портрет Сталина, а на левой лопатке изображение Ленина. Верховный Главнокомандующий смотрел строго и осуждающе, а Ленин со скошенной бородкой хитро усмехался.

– В вождей целиться нельзя. Закон! – провозглашал вор и просил папиросу. – Давай курнем, товарищ капитан.

Елхов снова морщился, но доставал из кармана пачку. Ему передавали с воли хорошие папиросы, комбат был заядлым курильщиком. Мог ничего не есть, но папиросы выкуривал до мундштука. Не очень веселые разговоры шли о Сталинграде. Самострел с загнивающей рукой сообщил, что пополнение идет за Волгу день и ночь, а назад никто не возвращается.

– Прорва, – качая руку, рассуждал он. – Людей гробят тысячами, и просвета не видно. Я считаю, надо...

– Как же тебя врачи вычислили? – перебили его.

– Надо было через буханку хлеба стрелять, а хлеб мы с дружкой съели. Пальнули через полотенце, вот и остались следы пороха. И ведь не лечат, сволочи.

– Чего тебя лечить? На том свете выздоровеешь.

Сидение в подвале закончилось внезапно. Ничего не объясняя, четверых человек рано утром вывезли за поселок. Опомниться не давали. Едва не пинками стащили с кузова полуторки и поставили на краю ямы. Вокруг стоял в строю батальон, а может, полк.

Борис с ужасом заглянул в могилу, рядом переминался самострел. Капитан Елхов и насильник Геша возвышались над остальными и казались спокойными. Геша воспринимал происходящее с запозданием, морщил лоб, соображал, почему собралось столько людей. А старый вояка Елхов уже подготовился к худшему для себя варианту.

Приговор читал военюрист в звании полковника. Вернее, приговоров было четыре, из экономии объявляли заключительную часть, но чтение длилось долго. Самострел впал в ступор, тряс здоровой рукой, шарил глазами по лицам присутствующих. До Геши стал доходить смысл, он нервничал и вертел головой. Борис от напряжения неожиданно зевнул, сердце бешено колотилось, на лбу выступил пот. Он сделал полшага вперед, а Елхов тихо произнес:

– Не надо, Борька... бесполезно.

Ходырев понял, что он имеет в виду. Не надо ничего просить, суетиться, их судьба уже решена. Капитан продолжал удивлять своим хладнокровием.

– Эх, зря папиросы берег, полпачки пропадет, – сказал он, затем огляделся вокруг и сообщил товарищам по несчастью: – В хорошем месте лежать будем. Хоть в этом повезло.

Могилу вырыли в ста шагах от речного обрыва, виднелась песчаная отмель левого берега, зеленый пойменный лес. Голубая Волга медленно катилась к морю, в заливе стояли рыбацкие баркасы. Место и правда было красивым.

Полковник закончил чтение приговора, важно оглядел строй красноармейцев. Кучка командиров тихо переговаривалась между собой, кто-то невпопад засмеялся. У самострела сдали нервы, он стянул здоровой рукой пилотку, хотел что-то сказать, наверное, просить о

пощаде. За его спиной мгновенно возник крепкий лейтенант, положил ладонь на плечо и отчетливо прошипел: «Молчать!»

Шесть красноармейцев из комендантского взвода стояли ровной цепочкой с винтовками за плечами. Почему шесть? Получается полтора человека на одного приговоренного. Может, стрельнут четверо, а двое будут добивать? Борис подтянул босую ногу (обувь так и не выдали) и с ненавистью глянул на полковника-юриста. Почему мучаешь и не отдаешь последнюю команду? А тот, словно испытывая терпение, перебирал листки, шевелил толстыми пальцами, затем, не спеша, продолжил чтение.

Смысл до Бориса не доходил, он начал соображать, лишь когда капитан крепко сжал ему локоть и шепнул: «Будем жить!». Елхова и Ходырева мгновенно отвели в сторону, полковник свернул бумаги в трубку, конвоиры сняли с плеч винтовки. Насильник Геша не хотел оставаться у ямы и пошел вслед за помилованными. На ходу оттолкнул лейтенанта, который его не пускал, но был остановлен жестким окриком одного из командиров:

– Марш на место!

Геша остановился, затем снова вернулся к яме, где переминался бледный, как бумага, самострел. Четыре выстрела ударили залпом. Приговоренные в последнюю секунду сделали шаг вперед, подальше от страшной ямы, и свалились на ее край. Лейтенант с помощью старшины толкнул расстрелянных вниз, хлопнули два пистолетных выстрела.

– А нас куда? – тревожно спрашивал Борис.

– В штрафную роту.

Штрафные роты и батальоны создавались на основе приказа Сталина № 0227 от 28 июля 1942 года, известного под названием «Ни шагу назад». При формировании этих подразделений возникало много организационных вопросов, их решали, как могли и насколько позволяли возможности. Ясно было одно – штрафники будут использоваться на самых опасных участках. И Юго-Восточный фронт, тянувшийся от Сталинграда через Калмыкию до Астрахани, очень подходил для такой цели.

Этот фронт был весьма своеобразным, здесь отсутствовала сплошная линия боевого соприкосновения советских и германских войск. Если глянуть на штабную карту того времени, можно увидеть вместо сплошных полос лишь синие и красные черточки разной длины. Немцы слишком распылили свои силы и не имели возможности вести широкое наступление. Бросали сюда хоть и сильные, но отдельные механизированные части. Их напор отбивали немногочисленные советские полки, немцы несли потери, не сумели достичь Волги и топтались в 150 километрах от Астрахани.

Можно понять ярость Сталина, когда большая часть населения Калмыкии перекинулась на сторону Гитлера и степняки стали наносить болезненные удары по тылам 51-й армии. И все же продвинуться дальше немцы пока не могли. Взяли Элисту, Яшкуль, Кегульту, но это были островки в бескрайней полупустынной степи.

И сама степь отнюдь не являлась идеальным местом для наступления. Перевалив через горный Ергенинский хребет, бронетехника разгоняла ход, но едва успевала тормозить и обходить препятствия. Преградой являлась цепь соленых Сарпинских озер, остатки древнего моря. Даже если вода пересыхала, то солончаки становились коварной ловушкой. Приходилось их объезжать, делая большой крюк, а на новом месте немцев ждали красноармейские части.

Огромное пространство растворяло штурмовые части вермахта, они терялись в выжженной солнцем полупустыне. Здесь шли малоизвестные на фоне Сталинграда ожесточенные схватки. О них напоминают редкие неухоженные могилы погибших красноармейцев, разбросанные среди бескрайней степи в суверенной Республике Калмыкии. Тем не менее именно в этих местах находился южный край Сталинградской битвы. О боях напоминает также мону-

мент с реактивной установкой БМ-12 («катюша»), установленный возле села Цаца на границе Волгоградской области.

Вторая отдельная штрафная рота располагалась на окраине большого пыльного села Ено-таевка. Из-за нехватки помещений личный состав поселили в коровнике, а штаб разместился в бывшей конторе. Рота представляла собой довольно крупное подразделение. Под командой капитана Митрохина находилось полтора десятка офицеров в звании младший лейтенант и выше, такое же количество сержантов.

Взводные показались Борису на одно лицо, крепкие, как бычки, молодые лейтенанты, настроенные решительно, немного повоевавшие. Выделялся замполит роты старший политрук Воронков, улыбающийся, охотно вступающий в беседу с вновь прибывшими. Ходырев по-прежнему держался рядом с капитаном Елховым, которого называл то по имени-отчеству, то по званию.

– Какой я тебе капитан? – не выдержал Елхов. – Я такой же рядовой, как и ты.

К ним присоединился услужливый боец Иван Межуев, угодивший в штрафники за кражу овса. Преступление могло показаться кому-то смешным, додумались дураки, сперли и продали пять мешков лошадиного корма. Но командира полка, который с огромным трудом добывал в безводной степи корм для лошадей, воровство очень возмутило.

В целях поднятия дисциплины устроили показательный суд, который приговорил старшину хоззвода Глухова и рядового Межуева к пяти годам лишения свободы, которое заменили на два месяца штрафной роты. Но если Прокофий Глухов на новом месте сумел занять крепкий пост старшины, то Иван Межуев стал обычным бойцом переменного состава, как официально называли штрафников.

Об этих подразделениях рассказывали страшные вещи, в которые не хотелось верить. Оказывается, штрафных солдат будут использовать при разминировании минных полей пешим ходом, обвешивать гранатами и сбрасывать в тыл врага как живые бомбы. Предстояло прорывать вражескую оборону, ходить в лобовые атаки и поджигать бутылками с бензином вражеские танки. Даже если половина из этого правда, то перспектива рисовалась совершенно безнадёжная.

Межуев, светловолосый, с мягким подбородком, в первый день долго присматривал место, затем робко подошел к Елхову:

– Разрешите, я по соседству лягу.

– Ложись, место не куплено.

Разжалованный капитан пожал плечами, а Ходырев приветливо подмигнул.

– Бросай сюда тюфяк. Ты не храпишь?

– Немножко.

– Ну, и я немного.

Разговорились. Елхов очень удивился, зачем бойцу хоззвода понадобился овес.

– С голодухи, что ли?

– С дури, – каялся Межуев. – Спирт достали, а на закуску захотелось баранины. Чабан говорит, везите овес, я валуха для вас зарежу.

– Вот ты сам себя и зарезал. Знаешь, сколько в пехотной роте после атаки людей остается?

– Не знаю, – уныло признался бывший ездовой.

– В лучшем случае – половина. А случается, целиком рота исчезает.

– Что, всех убивают?

– Не обязательно. Получишь пулю в колено или яйца. Радуйся, что повезло.

– На хрен бы такое везенье, – плевался Межуев, а затем спросил: – Еще говорят, в пешем строю на мины посылать будут.

– Не будут, – категорично заявил Елхов.

– Ну, вот я тоже подумал, что брехня. Что же мы, не люди, хоть и проштрафились.

– На мины посылать запретили, – продолжал бывший комбат. – Ботинки взрывами рвет, расход обуви большой.

Видя, что ездовой юмора совершенно не понимает, разъяснил ему коротко и ясно:

– С аэроплана тебя, дурака, сбрасывать не станут, чести много. А в атаку раз-другой сходишь. Если уцелеешь, считай, простили.

Третьим взводом командовал младший лейтенант Дядченко, самоуверенный и во всем разбирающийся. Уверенности ему прибавляла большая физическая сила и участие в небольшом бое, из которого он сумел выйти невредимым. За подготовку бойцов он взялся старательно, с утра бегали, занимались зарядкой, затем Дядченко повел взвод на тактические занятия. Борис Ходырев остался в роте, так как не получил обувь.

На первом занятии между бывшим комбатом и молодым взводным произошла стычка. Степану Матвеевичу Елхову не понравилась бессмысленная беготня, изображавшая занятия по теме «Взвод в наступлении». Он высказал ряд претензий, дельных, но сказанных с излишним апломбом.

– Прежде чем наступать, надо обеспечить материальную часть. Лопаток для окапывания нет ни одной, три человека остались в роте из-за плохой обуви или из-за ее отсутствия. Не сегодня-завтра начнутся дожди, а шинели у половины людей отсутствуют.

Взвод, пока еще неполный, но уже насчитывающий человек пятьдесят, слушал внимательно. Некоторые имели в прошлом сержантские и лейтенантские звания, обладали опытом, и беготня с палками вместо винтовок напоминала детскую игру. Авторитет Елхова признали и поддержали.

– Капитан верно говорит.

– У меня подошва отвалилась.

– А у меня штаны на жопе порватые и кальсонов нет.

– Махорку не выдали.

Масла в огонь подлил уголовник Надым, мужик лет сорока, с мощной грудью и татуированными руками. Одет он был неплохо, забирая у бойцов послабее приглянувшиеся вещи. Пользуясь случаем, он решил показать себя и превратил разговор в шумную склоку. Уголовников насчитывалось по пять-семь человек в каждом взводе. Держались они сплоченно, агрессивно и придавливали слабых.

Дядченко не на шутку разозлился, и прежде всего на Елхова. Построив взвод, пригрозил, что следующая попытка сорвать занятия закончится для кого-то плохо. При этом он не сводил взгляда с бывшего комбата. В строю стояли четверо сержантов. В штрафную роту они пошли неохотно, но выбора им не оставили. Сейчас сержанты не знали, что делать. Они не являлись штрафниками, но находились с ними в одной казарме, и в атаку предстояло бежать в одной цепи. Ссориться с подчиненными сержанты не хотели, заняли нейтральную позицию и не поддержали самолюбивого лейтенанта.

Елхов уже приобрел определенный авторитет и мог стать хорошим помощником, Дядченко его оттолкнул. Таким образом, взвод разделился на несколько групп. Самая большая инертная группа рядовых штрафников мало что решала, сержанты осторожничали, уголовники оживились. Особняком стояла группа во главе с бывшим капитаном Елховым, его поддерживали Ходырев, Межуев и еще несколько бойцов.

Процесс разобщения происходил и в других взводах. Командиры прохлопали этот момент, так как не имели достаточного опыта. А события в роте катились тем временем, как снежный ком.

Степан Матвеевич Елхов временно лишился звания, должности, ордена Красной Звезды и получил три месяца штрафной роты за обычное русское головопутьство. Он неплохо начинал службу, прошел через тяжелые бои осени сорок первого года, а за решительность и умение командовать ротой в зимнем наступлении под Москвой получил орден и должность командира батальона. В августе сорок второго Елхова направили в тыл за пополнением. Поездка обернулась печальными последствиями. Пока комплектовали маршевую роту, командиры загуляли. Деньги и вещи на обмен имелись, нашли водки, познакомились с женщинами, и праздник начался.

Дезертирство в тот период процветало крепко. Маршевая рота попросту разбежалась. Елхов опомнился, стал собирать людей, и это ему почти удалось. Но обстановка на фронте складывалась тяжелая, потерявшуюся роту стали разыскивать, а когда отыскивали, то оказалось – многих новобранцев не хватает. За такие вещи нередко расстреливали, и капитан в полной мере осознал это, пока стоял у вырытой могилы.

Угодив в штрафники, он понял, на хорошее надеяться нельзя. В память врезались безнадежные бои под Селижарами. Тогда, в конце зимы, командование не могло примириться, что удачно начатое московское наступление выдыхается. В то время его родной полк раз за разом гоняли в атаки и контратаки, врага пытались смять валом живых людей. Такого Елхов не мог и представить. Он потерял процентов семьдесят личного состава, всех трех ротных командиров, не надеялся выжить и сам. Но, разбив лоб о стойкую вражескую оборону, генералы угомонились.

Если не щадили обычных бойцов, то штрафников не пожалеют подавно. По всем признакам роту готовили для таранного контрудара на каком-нибудь выступе. Для тупой гибельной атаки, и ничего большего. Бывший комбат не желал пропадать просто так, не применив свой немалый боевой опыт. Однако, не обладая дипломатичностью, Елхов с первых дней сумел испортить отношения с Митрохиным, а затем с Дядченко.

В роте брали верх блатари. К Надыму присоединился молодой, набирающий силу уголовник Марченко, по кличке Марча, прибывший из астраханского следственного изолятора. Осужденный на пятнадцать лет за грабежи и убийство, он сумел убедить комиссию по освобождению, что вину осознал и желает сражаться за родину. В комиссии заседали неглупые люди, знавшие цену этой публике. В другой ситуации Марчу бы не освободили, но важен был порыв – в трудную минуту на защиту страны встает каждый гражданин.

Надым и Марча сплотили вокруг себя блатных и подчинили часть штрафников. Началось безудержное воровство. Одежду и обувь обменивали на самогон, а лучшие продукты из ротного котла доставались немногим. Процесс разложения набирал силу. Это почувствовал Воронков, но изменить ничего не пытался. Надеялся, что в первом же бою все решится само собой, а дальше видно будет. Командир роты Митрохин был слишком занят хозяйственными делами, мотался в штаб 51-й армии, которой напрямую подчинялась рота, привозил новых людей.

Нарыв зрел, готовый прорваться, а рота тем временем насчитывала уже триста человек. Толпа толком не занятых мужиков пребывала в подвешенном состоянии. На склад привезли винтовки, но выдавать их опасались. Ходить на занятия с палками вместо оружия многие штрафники считали не только смешным, но и унижительным. Замполит через свои связи в политотделе настаивал на скорейшем введении роты в бой, хотя больше других этого боялся. Тем временем пришло очередное пополнение. В их числе был молодой взъерошенный лейтенант Сергей Маневич, угодивший под трибунал за отступление без приказа.

Виноватым себя лейтенант не считал, отметал обвинения в трусости и собирался доказать это в первом же бою. Но столкнуться ему пришлось не с фрицами, а с уголовниками. Маневич появился в роте в хороших яловых сапогах, с командирским кожаным ремнем, даже брюки у него остались синие комсоставовские. Худошавый, с тонкими чертами лица и вьющи-

мися волосами он не производил впечатления человека, умеющего постоять за себя. По приказу Марчи воренок Антоха предложил лейтенанту поменять кожаный ремень на солдатский брезентовый.

– Это еще зачем? – удивился Сергей.

– Он тебе ни к чему. Давай-давай, пока и сапоги не отобрали.

Лейтенант, закончивший в сорок первом училище и быстро выросший до командира роты, побелел от злости. Заикаясь, прошипел:

– А ну, гаденыш, убирайся, пока цел.

Воренок воспринял сорвавшийся голос новичка как признак страха и, подступив ближе, дернул за пряжку. Тут же получил удар кулаком в лицо и отлетел в сторону. Все это происходило во дворе, примыкающем к коровнику. Вокруг сидели, шатались бойцы, кто-то спал, компания воров играла в карты. Над широким двором, где пахло сухим навозом, нависала гнетущая тишина. Марча, с обманчиво сонным лицом, огляделся по сторонам и аккуратно сложил карты.

– После доиграем.

Он понял, представился случай окончательно сломить ситуацию в свою пользу. Марчу не устраивало положение, при котором ключевые должности принадлежали чужим. Слишком уверенно вел себя старшина Глухов, командиры отделений по-прежнему держались вместе, глядя на междоусобную возню свысока. И сейчас сержанты спокойно сидели на бревне с винтовками между колен, наблюдая за происходящим. Они не любили уголовников, но ротная верхушка бездействовала, не вникая в солдатские отношения. Сержанты благоразумно выжидали.

Марча встал, за ним поднялись еще пять-шесть человек. Надым, прищурился и без того узкие глаза, отвернулся. Он опасался, что заваруха может закончиться плохо, и не торопился поддерживать выступление Марчи. Через двор уверенно шагал Елхов, от него не отставал Борис Ходырев. Иван Межуев, хоть и трусил, но шел следом. У воров имелись заточки, сделанные из арматурных прутьев. Страшное тюремное оружие с отполированным жалом не оставляло лейтенанту шансов выжить. Он это понимал и пятился к забору.

Антоха, воодушевленный поддержкой, вытер кровь из носа, отряхнул штаны от навоза и, пригнувшись, наступал на лейтенанта. Маневич лихорадочно размышлял, что делать дальше. Самым логичным было прыгать через забор и убежать куда глаза глядят. Он бы это сделал, но один из воров решил ускорить ситуацию. Метнул заостренный прут, лейтенант успел отшатнуться и побежал прочь. За ним гнались сразу несколько человек.

Маневич бестолково метнулся к забору и оказался лицом к лицу с сержантами, сидевшими на бревне. Лейтенант не раз бывал в опасных переделках и обладал мгновенной реакцией. Выхватив винтовку из рук ближнего сержанта, он передернул затвор. Уголовников винтовка не испугала, они знали, что оружие разряжено. Но часто все решает случай. Сержант вставил утром в магазинную коробку единственный патрон, имевшийся у него. Зарядил просто так, по давней привычке, и эта случайность повернула ход событий.

– Стой, там патрон! – успел крикнуть сержант.

Маневич уже давил на спуск. Он тоже действовал по привычке, на него бежал враг, и его требовалось убить. Пуля ударила бежавшего уголовника в грудь, пробила насквозь и задела по касательной еще одного вора. Марча приостановился. На него налетел Елхов и сбил с ног. Борис толкнул Антоху и несколько раз пнул. Вскочили сержанты, прибежали взводные и замполит Воронков.

– Что же вы наделали, сволочи, – ахнул он, предчувствуя суровые разборки.

Среди сухих коровьих блинов возился, дергал ногами смертельно раненный штрафник, из которого быстро вытекала кровь.

– Надо помочь, – сказал один из сержантов.

– Ничем не поможешь, – отозвался другой. – Гля, как точно угодил.

Надым с подручными не трогался с места. Закурил офицерскую папиросу и пустил пачку по кругу. Дурацкая агрессивность Марчи его раздражала.

Событие встряхнуло роту и местный гарнизон. Два дня разбирались особисты, приехал хмурый следователь с клеенчатым портфелем. Антоха пытался молчать, но особист Стрижак посоветовал ему:

– Не испытывай терпение, парень. Видишь, какой следователь сердитый.

Обладатель портфеля лишь усмехнулся, прекрасно понимая, что произошло. К Маневичу отнесся терпимо, о чем-то пошептался со Стрижаком и, взяв несколько объяснений, уехал в штаб. Особист отчитал Митрохина:

– Неужели не видели, к чему все катится?

– Не видел, – честно признался служака Митрохин.

– Надо глаза пошире разувать. А вообще, засиделись вы в тылу, о чем и доложу начальству. Идите.

С Марчей и раненым уголовником Стрижак разговаривал почти ласково. Уголовнику от тихого голоса седоватого и решительного особиста становилось не по себе. Ожидал подвоха, но чем все кончится, и предвидеть не мог. Убийцу-Маневича отпустили, сержанту-раззяве, у которого отобрали винтовку, погрозили пальцем, а Марчу вместе с раненым приятелем посадили в кузов полуторки и куда-то повезли. Их охранял помощник Стрижака старший сержант Гена Захаров в синей фуражке с автоматом за плечом.

Отъехав километра два, машина остановилась, уголовникам приказали слезать. Встревоженный Марча спросил, зачем.

– Ты глянь, красота какая, – вместо ответа сказал особист.

Действительно, чудный вечер опускался над степью. Сентябрь на нижней Волге отличный месяц. Спадает жара, исчезают комары, река под обрывом дышала тишиной и покоем, лишь всплескивала крупная рыба.

– С вами, паскудами, и на рыбалку не выберешься, – меняя тон, раздраженно проговорил Стрижак. – Ну, пошли, чего встали.

Впереди виднелась разрытая глина, пахло смрадом. Раненый вор сделался белым, как полотно, и замедлил шаг. Он увидел шофера с лопатой в руке, а неприятный запах шел из скотомогильника. Марча, тридцатилетний уголовник, имел за плечами много темного, не задумываясь, шел на убийство, никого не жалел и считался отчаянным уркой. Оказалось, одного человека он все же любил – самого себя.

Он заговорил, пытаясь продлить последние минуты, найти выход из тупика. Заинтересовать особиста любой невероятной информацией о шпионах или ненадежных болтливых командирах. В роте имелись люди, которые ненавидели советскую власть, Сталина, ждали немцев и собирались сдать. Но Стрижак лишь с досадой отмахнулся от ненужных слов и поторопил помощника.

– Заканчивай, Геннадий...

Сержант открыл огонь с пояса, затем поставил оружие на предохранитель и с помощью шофера сбросил тела в яму, где лежала павшая лошадь. Морща нос, шофер торопливо забрасывал расстрелянных землей:

– Неприятное соседство, – проговорил он.

– Ничего, лошадка не обидится, – понял по-своему сержант с автоматом.

Особист стоял у машины, неторопливо курил, наблюдая, как медленно опускается над степью тихий сентябрьский вечер.

Глава 3

Бои в окружении

Борис Ходырев вертел на руке часы. Он неплохо зарабатывал до войны, но скопить денег на эту нужную вещицу не мог. Сейчас часы достались ему просто так. Вернее, не просто. Он убил унтер-офицера, а подчиненные, кинувшиеся после боя за добычей, не смогли поделить ценный трофей. Чтобы не ссориться, отдали командиру отделения.

Нашли много чего нужного: хорошие кожаные ремни, бумажники, перочинные ножи с многочисленными лезвиями, не говоря о часах. Удобными показались котелки с плотно прилегающими крышками, складные саперные лопатки. Нашли ром и сухое вино. И то и другое мгновенно выпили, заедая подтаявшей копченой колбасой и галетным печеньем.

Елхов людям не мешал, они сделали почти невозможное. Сам он уже прикидывал, что делать дальше, осматривал захваченное оружие. Его качество и хорошее состояние наводило на невеселые мысли о техническом превосходстве врага. К пулемету прилагались два затвора и запасной ствол. Вместе с принадлежностями для чистки они хранились в жестяном футляре.

Немецкие каски были гораздо толще наших, более добротные. В дальнем углу траншеи аккуратной кучкой лежал шанцевый инструмент: ломы, кирки, штыковые и совковые лопаты. Все это отбиралось у местного населения, но немцы не ленились чинить и возить инструменты с собой. Без него было бы невозможно вырыть траншеи в каменно-твердой глинистой почве.

Обнаружили большой запас винтовочных патронов и гранат с длинными рукоятками. Капитан взял одну из ящика, примерился и швырнул ее. Бросок получился удачным, граната летела сверху вниз метров пятьдесят, стукнулась о землю и покатила по склону. Рукоятка была удобной для дальнего броска, а взрыватель простой и надежный.

Бойцы третьего взвода торопились собрать трофеи до прихода остальной роты. Стаскивали с ног убитых немцев сапоги, примеряли по размеру, менялись. С сожалением нюхали опустевшие бутылки из-под рома и вина, жаль, что мало. Легкие сигареты казались после махорки неощутимыми, но курили их с удовольствием, щелкая без нужды зажигалками.

– Ходырев, возьми пулемет, отвечаешь головой, – приказал бывший комбат Елхов. – Запасные затворы и ствол не забудь. Помощника подбери...

– Есть, товарищ капитан.

– Мне еще звание не вернули.

Тем временем вершина холма заполнилась бойцами и командирами. Особисту Стрижаку вручили трофейный «парабеллум» с кобурой, он остался доволен и несколько раз выстрелил, проверяя точность боя.

– Отдача сильная, – заметил Стрижак.

– И калибр не малый, – согласился Елхов.

– Крепко ты ударил. Откровенно говоря, не ожидал.

– Я тоже, – широко улыбался довольный комбат.

Политработнику из штаба дивизии подарили бумажник и зажигалку. Он был не против занять трофейный пистолет, но их расхватали. Политработник кисло поморщился, слыша, как хвалят немецкий пулемет, а Ходырев умело меняет ствол и вставляет металлическую ленту.

– Неплохо действовали, товарищи, – сказал он.

Вместо ответа ему показали на склон, где лежали сотни полторы погибших бойцов. Между ними ходили санитары, выполнявшие сейчас роль похоронной команды. Иногда находили раненого, лежавшего без сознания, и после короткого спора, кому нести, грузили на носилки.

– Товарищ комиссар, – спросил Иван Межуев, – как насчет снятия судимости? Заслужили ведь.

Политработник, не зная толком, как будут снимать судимость, ответил уклончиво. Он пытался организовать небольшой митинг. Такие мероприятия непосредственно на поле боя ценились у начальства высоко, но собрать удалось немногих. Бойцы разбрелись по траншее, некоторые заснули после пережитого напряжения и выпитого рома. Иван Межуев слушал комиссара внимательно, но глаза смотрели в никуда. Руки теребили ремень винтовки, штык был испачкан засохшей кровью.

– О чем мысли, товарищ? – спросил политработник.

Бывший колхозник встрепенулся и сказал, что думал:

– Ох, и страшно было. Я ведь немца насмерть заколол.

– Это война, – сказал комиссар. – Врага надо убивать.

Он хотел произнести и другие нужные слова. О том, что родина требует мужества, надо сражаться, не щадя себя, но в это время тягуче заныла очередная мина, и комиссар невольно присел.

Он спокойно пришел сюда по склону, усеянному мертвыми и умиравшими людьми. Некоторые из них стонали, другие лежали молча, равнодушные ко всему. Их жизни в глазах политработника довольно высокого ранга мало чего стоили. Он не мог представить себя лежащим на голом склоне под лучами теплого осеннего солнца. Его жизнь не могла прерваться просто так, в бесполезном бою. Комиссар был выше этого, он вершил идеи на уровне тысяч людей. Его послали контролировать действия нового подразделения. Свою задачу он выполнил, можно возвращаться. Не хватало еще погибнуть от случайной мины.

– Не бойтесь, товарищ комиссар, – ляпнул смуглый штрафник с трофейным пулеметом. – Фрицы на предельной дальности бьют, с трех километров. Сами гляньте, никакой прицельности.

Он простодушно показал рукой в сторону очередного разрыва. Мины падали неточно, то с недолетом, то уходили в сторону.

– Я не боюсь, – ответил политработник, отряхивая землю. – По местам, товарищи. Воронков, проводи меня. Иван Андреевич, вы идете?

Последние слова были обращены к особисту Стрижаку.

– Пока останусь, – ответил тот. – А вы поспешите. И лучше сделайте крюк, напрямую идти нельзя, под мину угодите.

– Разберусь, – с достоинством ответил комиссар.

Но к совету прислушался. Сделал без особой нужды огромный крюк в сопровождении Воронкова. Тот вернулся часа через полтора, усталый, но довольный. Теперь в политотделе знают, как тяжело приходится политрукам. На обратном пути Воронков сосчитал тела убитых немцев, их оказалось четырнадцать, в том числе офицер. Вернувшись, похвалил Елхова за умело проведенный бой. При этом поглядел на отличные швейцарские часы, доставшиеся комбату от мертвого немецкого офицера.

– Целый взвод уничтожили, – сказал Воронков.

– Взвод – это сорок солдат, в крайнем случае, тридцать. А здесь всего отделение.

– Тоже неплохо.

Старший политрук чувствовал себя обойденным. Черт с ними, трофеями, хотя долгозвонный штрафник мог отдать ему швейцарский хронометр. Мог, но не захотел. А ведь Воронкову предстоит подписывать представление на снятие судимости и возвращение офицерского звания. А если политрук роты сочтет, что оснований для этого нет? Бывший капитан неплохо сработал, но кровью вину не искупил. Значит, не время ему выделываться и строить из себя командира.

Тем временем проникательный особист Стрижак поманил пальцем Надыма и весело предложил:

– Чего прячешься? Выкладывай трофеи. Хотел мне их отдать, да постеснялся, так, что ли?

– Хотел, – согласился уголовник и с натяжкой усмехнулся. – Желаю внести в фонд обороны.

С этими словами выгреб из карманов пачку разломаченных немецких марок и советских червонцев, массивный золотой перстень и колечко попроще. Деньги особист спрятал в полевую сумку, а перстень с монограммой на печатке внимательно рассмотрел.

– Ценная штука, можно пулемет купить. Выходит, ты, штрафной боец, пулемет у Красной армии украл?

Лицо Стрижака, загорелое, с ранними склеротическими жилками у глаз, налилось багровым. Внешнее добродушие уступило место жестокой властности. Он с полминуты раздумывал, как поступить дальше, и никто не посмел прервать молчание. Застыл уголовник Надым, догадываясь, что жизнь висит на волоске, убрал всегдашнюю улыбку Воронков, а командир роты Митрохин отвел глаза. Лишь упоенный победой Елхов, чувствуя себя прежним комбатом, продолжал смело смотреть в глаза Стрижаку.

Особист в майорской форме (он имел какое-то специальное звание) обрушил свой гнев на Елхова:

– Сборище мародеров! Вам доверили оружие, а вы занимаетесь грабежом. Присвоили золотые часы, а ваши подчиненные не побрезговали перстнем. К чему мы придем?

Степан Матвеевич Елхов еще не понял, в какую историю влип. Брезгливо фыркая, снял часы и протянул майору.

– Заберите.

– В задницу их себе сунь! Не знаешь, как оформлять сдачу ценных трофеев? Составьте акт, подпишите и переправьте в штаб армии.

Особист Стрижак был честен в любых мелочах. Занимал должность в штабе армии, и, обладая большой властью, он не использовал ее в своих интересах. Стрижак терпеть не мог зажавшихся в буквальном смысле этого слова штабных офицеров. Вызывали брезгливость сытые полковники, молодые нахальные майоры. Они были похотливы, любили хорошо выпить и пожрать, некоторые повязли в махинациях с закупками вещевого довольствия. И это происходило в трудный для родины час.

По этой причине особиста тяготило улучшенное питание в офицерской столовой. Порой он выглядел смешно, когда отказывался от коньяка и отбивных, предпочитая выпить сто граммов плохо очищенной водки и есть кашу с жесткими кусочками говядины. Его ценили за работоспособность, цепкость, но держали подальше от штаба.

– Оформим, товарищ майор, – четко козырнул Воронков.

Стрижак перевел блуждающий взгляд на бравого политрука. Во время атаки тот находился на поле боя (хоть и позади), поднимал людей. И сейчас стоял на вершине холма в простых сапогах, с такой же кирзовой кобурой на поясе, в обычной красноармейской пилотке. Слишком шустрый политрук, брошенный за грехи на укрепление штрафной роты, раздражал особиста, но придраться было не к чему. Майор чувствовал, что несправедливо обидел Елхова, но Воронков плел свои интриги, отрезая ему путь к отступлению:

– Замечание верное, товарищ майор, – строго соглашался он. – Недосмотрели. Разберемся с мародерами по всей строгости.

Стрижак от удивления лишь мотнул головой, старший политрук уверенно занимал в роте лидерство. Сожрет ведь Митрохина, Елхова и не подавится. Слава богу, что убрался представитель политотдела дивизии. Перед ним Воронков бы еще больше старался.

– Не надо разбираться, – устало отмахнулся майор. – Ограничьтесь выговором. Слышишь меня, Митрохин?

– Слышу.

– Ну, так руководи. Ты ведь командир, а не кто-то другой.

При этих словах он глянул на Воронкова, который мгновенно заулыбался в ответ. Особист не любил политработников и поддерживал строевых командиров.

Инцидент с деньгами, золотыми часами и перстнем мог иметь неприятные последствия. Трофеи – вещь щекотливая. Захваченное оружие, вражеское обмундирование, личные вещи и продукты питания предписывалось сдавать. В отношении таких вещей, как золотые часы, кольца, драгоценности, требования были категоричными – немедленно сдавать по описи. За несвоевременную сдачу и утаивание могли возбудить уголовное дело. Стрижак по долгу службы принимал деятельное участие в формировании штрафной роты и не хотел, чтобы его детище придушили после первого успешного боя. Через несколько часов он вызвал к себе Митрохина с Воронковым. Политрук сразу заявил:

– Я вынужден отразить факт утаивания драгоценностей в политдонесении.

– Тоже мне драгоценности. Часы паршивые да кольцо ворованное.

– Там еще иностранная валюта имелась.

– В сортир сходи с этими бумажками. Ну-ка, дай почитать, чего там написал.

Стрижак был уверен, политрук не направит бумагу без согласования с ним. Так и получилось. Воронков торговался и пытался уйти из штрафной роты на прежнюю комсомольскую должность, о чем поторопился заявить:

– Может, я неправильно изложил, но какой из меня политрук? Я всю жизнь в комсомоле работал.

При этих словах Стрижак слегка удивился, какая там вся жизнь? Воронкову было двадцать шесть лет, но житейской мудрости в нем хватало с избытком. И осторожное политдонесение, если не копаться, намекало на то, что золотой перстень и часы готовились к сдаче, то есть преступный замысел отсутствовал.

– Первый бой я провел, – сказал Воронков. – Отпустите меня.

– Отпущу. Договаривайся с политотделом.

Сделка состоялась. Теперь у Стрижака были развязаны руки. Он не сожалел, если уйдет Воронков, но решительного и грамотного Елхова отпускать не хотелось. Митрохин слишком осторожничал, взводные командиры погибли или выбыли по ранению. Неизвестно, кого пришлют. Бывший комбат в компании с лейтенантом Маневичем могли укрепить роту.

Стали обсуждать, каким способом убедить Елхова и Маневича остаться. Здравомыслящий человек пойдет командовать штрафниками только в случае крайней необходимости. Маневич получил легкое ранение, это означало, что в штрафной роте его удерживают лишь мелкие формальности. Елхов остался невредимым, но суд может снять судимость за умело организованную атаку.

Звание Елхову вернут, а вот насчет должности неизвестно. Этим обстоятельством воспользовался Стрижак и взял быка за рога.

– На батальон тебя не поставят, – категорично заявил он. – Предлагаю занять должность заместителя командира штрафной роты. Я говорил с председателем суда. Лицам, не смывшим свою вину кровью, наверняка будет отказано.

– Я и забыл, что у нас суды существуют. Впрочем, спасибо за откровенность. Я все же подожду решения.

– Ждать предстоит в качестве рядового штрафника, – напомнил Стрижак.

– Потерплю.

Между тем, обстановка в Сталинграде резко ухудшилась. В начале октября немцы предприняли мощное наступление, снова потеснили наши войска и в нескольких местах оседлали берег Волги. Зашевелилась вся южная часть фронта.

Свою задачу рота выполнила и даже улучшила показатели дивизии. Сообщение о взятии рубежа мелькало в сводках, упоминался уничтоженный немецкий взвод. Потери штрафников были огромные. В жестоком наступательном бою на открытой местности число убитых значительно превышало количество раненых. Потери, как обычно, никто не считал.

В другой ситуации штрафников отвели бы к месту дислокации, но остатки роты, примерно девяносто человек, сидели на холме. Многие надеялись на реабилитацию, хотя перевод в обычные пехотные подразделения мало что меняет. Сунут в маршевую роту и напрямик на Сталинград. В те дни название города являлось не только символом упорной борьбы, но и местом, откуда живыми не возвращаются. На колонны бойцов, двигавшихся к разрушенному городу, смотрели как на смертников.

По этой причине сразу отказался от перевода старшина Глухов, справедливо полагая, что хозяйственные должности в любом подразделении заполнены, и ему придется встать в строй.

Третий взвод болтался между небом и землей, не имея командира. Неожиданно легко удалось убедить лейтенанта Маневича. Его вызвали в штаб, вручили решение суда о снятии судимости, возвращении прежнего звания и без лишних слов предложили возглавить взвод. Дисциплинированный белорус козырнул и пошел принимать людей.

Елхов нехотя встал в строй, непонятно на каких правах. Стрижак плел свои интриги, бумаги о реабилитации комбата ходили по кругу. Освобождали только раненых. Иван Межуев пребывал в растерянности и считал, сколько дней осталось до окончания двухмесячного срока. Знал, что второго боя не переживет. Борис Ходырев держался более уверенно, он числился временным командиром отделения и активно помогал своему другу Маневичу.

Дня четыре жизнь на высоте текла почти мирно. Даже прекратился минометный обстрел. От этого затишья ничего хорошего не ждали, но человек довольствуется малым – не стреляют, не гонят в атаку, и то хорошо. Дни по-прежнему стояли теплые, однако ночью ударили первые заморозки. Утром, на восходе солнца, полынь была стеклянно-голубой от инея и звенела под ногами. Через час трава сделалась мокрой, задул обычный ветер, люди вылезали из нор, зевали, закуривали первые самокрутки.

Старшина с помощниками носил кашу, хлеб, воду, рассказывал последние новости. Однако затишье быстро кончилось, и этому предшествовал жестокий авианалет.

«Юнкерсы» бомбили позиции пехотного полка. Ветер сносил огромные клубы дыма и рыжей глинистой пыли. Вытянув головы, бойцы смотрели, как самолеты, включив сирены, выстраиваются в карусель для нового удара. Виднелись черные кратеры воронок, некоторые из них пересекали ломаную линию траншеи.

Вскоре стало не до ротозейства. Один из «Юнкерсов» отделился от стаи и пошел на высоту. Ахнуло так, что Бориса оглушило, горло забило ядовитой гарью взрывчатки. Каменная баба на вершине кургана медленно проступала из оседающих клубов, плоское лицо оставалось безучастным. За много веков не первый раз на ее глазах люди убивали друг друга.

Наши самолеты не появлялись, «Юнкерсам» никто не мешал. Спасала земля, ставшая за лето каменно-твердой. Траншеи и норы держались, лишь осыпались брустверы. Одна из бомб шарахнула в окоп с шанцевым инструментом. После налета пошли глянуть, что осталось от ломов и лопат. Кто-то из штрафников, поднимая обломок черенка и скрученное лезвие штыковой лопаты, удивленно показал на непонятный комок.

– Это что такое?

Оказалось, кусок человеческого тела. В окопе прятался боец, его разорвало. Иван Межуев увидел кисть руки и застыл от страха. Над ним невесело посмеялись.

– Чего, Ванька, испугался?

– Собирай дружка по частям.

Люди падали духом, видя, как безнаказанно действуют вражеские самолеты. Сразу трое прикинулись контуженными и просили Митрохина направить их в медсанбат. Много чего повидавший командир разобрался не хуже врача. Заставил их присесть, встать, развести руки, достать кончиком пальца нос, проделать еще какие-то манипуляции, затем объявил:

– Ты шагай в санчасть, а вы двое топайте на место.

– Как же? Голова кружится.

– Ничего, завтра утром пройдет.

Над симулянтами потешались:

– Кузьмич, он лучше всякого фельдшера разбирается.

Другие советовали:

– Чего мелочишься? Шарахни из винта в ногу, а мы подтвердим, что с самолета стреляли.

– Сам шарахай, если такой умный.

Небольшие вражеские части наступали слева и справа, обходя рубежи обороны. Выждав время, отступил полк по соседству. Сверху было хорошо видно, как пылит колонна пехотинцев, везут на лошадях орудия. Митрохин не мог дать команду на отход, опасался угодить под жесткие санкции приказа № 0227. Расстреляют к чертовой матери.

Среди штрафников усилилось брожение. Ночью исчезли трое. Митрохин нервничал, Воронкова злила неопределенность собственной судьбы. В политотделе армии лежал рапорт о его переводе на комсомольскую работу, но с подписанием тянули. Более того, позвонили и отчитали за слабую воспитательную работу.

– Что, бойцы плохо воевали? – напращивался на комплимент Воронков.

– Это не твоя заслуга. А когда люди пропадают, сразу видны недоработки. Разберись.

Воронков принялся опрашивать бойцов насчет пропавших. Елхов усмехнулся, глядя на исписанный листок.

– Бумажки до адресата надо еще донести, а вниз спускаться опасно.

Он показал пальцем на вражеского мотоциклиста, пылившего вдалеке. Иван Межуев вяло долбил лопатой, пытаясь углубить окоп. Борис Ходырев вел мотоциклиста на мушке. Смуглое лицо сосредоточилось. Ствол трофейного пулемета двигался следом за клубком пыли.

– Огонь, – негромко подсказал Елхов.

Бывший капитан не являлся командиром, но Борис немедленно нажал на спуск. Межуев, бросив лопатку, уселся по правую сторону, направляя ползущую ленту. Расстояние было великовато, однако Ходырев довольно точно укладывал очереди, пули долбили сухую дорогу, поднимали фонтанчики земли. Воронкову не нравилась самодеятельность, но приказы требовали постоянных активных действий, и он не вмешивался. Борис перехлестнул колеса, мотоцикл завиялял, свалился набок. Перед тем как нырнуть в промоину, немец погрозил кулаком русским.

– Метко стреляешь, – сказал Елхов.

– Пулемет хороший. Бьет без задержек.

Ходырев отсоединил раскалившийся ствол и заменил его на запасной. Через час прошли два звена «Юнкерсов-87» в сопровождении истребителей. Основная часть самолетов миновала холм, у них имелось свое задание. Истребители сбросили небольшие бомбы, которые рванули поблизости. Штрафник из расчета «максима» пытался убежать непонятно куда. Осколок вонзился ему в голову над ухом, санитары с опозданием начали перевязывать, но, судя по всему, рана была смертельная. Елхов заметил с непонятной усмешкой:

– Ну, вот, еще один кровью искупил.

Другой штрафник возрастом постарше перекрестился:

– Господи, упокой душу усопшему. Грешники мы, но прости нам грехи наши и прими покаяние, окажи милость...

Если усмешку бывшего комбата оставили без внимания, то причитания верующего встретили с издевкой:

– Нашел, где милость искать!

– Сдались мы твоему богу!

Ко всему прочему кончилась вода, которую носили за несколько километров, Митрохин послал за ней старшину Глухова и двух помощников. Группу перехватили у подножия холма и обстреляли. Глухов вернулся лишь с одним бойцом, без воды, явно напуганный, и показал пробитую флягу Митрохину.

– Гляньте, какая дырка. Если не уберемся отсюда, такие же дыры в головах заимеем.

– Куда твой боец делся?

– Вон, убитый лежит.

– Ну, хорошо, – успокоился командир роты.

Очередная смерть его совершенно не тронула. Хуже, если бы боец переметнулся к врагу, а погибших списывать легко.

Тем временем умер раненный в голову штрафник, а на юго-востоке усилилась канонада. Послали связного, он вернулся с короткой запиской ждать приказа, но приказ явно запаздывал. Митрохин хорошо понимал, что его подразделение – это не обычная стрелковая рота. Сидеть в неопределенности люди не будут. Они способны драться, а в такой ситуации лишь увеличится число дезертиров.

Из продуктов осталась крупа, но сварить ее не было возможности из-за отсутствия воды. К вечеру Митрохин послал в штаб дивизии Маневича и Ходырева.

– Я же при пулемете, – сказал Борис.

– Не убежит твой пулемет. Возьми винтовку, пойдешь с лейтенантом.

Идти предстояло километров шесть, а если делать круг от рощи, то наберется все десять. По дороге едва не наскочили на вражеский бронетранспортер. Он стоял на бугре, карауля пулеметом довольно большой участок. Теперь круг мог составить все пятнадцать километров. Сели перекурить, обсудили положение. Маневич по-прежнему держался с Борисом по-дружески, хотя стал полноправным командиром.

– Невеселые дела, Борька.

Ходырев согласился, что ничего веселого нет. Дул холодный ветер, оба замерзли и жалели, что не надели шинели. Надеялись пробежать туда-обратно, однако путь получался опасный. Бронетранспортер двинулся в другую сторону, но показались два мотоцикла. Слишком оживленными стали проселочные дороги.

– Подождем, – предложил Маневич.

Он достал из-за пояса трофейную гранату, отвинтил колпачок внизу рукоятки, потрогал шнурок с пластмассовым шариком на конце. Но вступать в бой было бы глупо. Не убежишь в степи от машин. Оба решили, что надо дожидаться темноты.

В это же время срочно снимался штаб дивизии. На повозки и немногие автомашины грузили имущество, кипы документов в мешках. Девушки-сержантки, работавшие писарями и делопроизводителями, оживленно переговаривались. Для них переезд на новое место был небольшим путешествием. На близкую стрельбу они мало обращали внимания, полуторка стояла наготове, ждали команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.